

Константин «Редигер» Михайлов

Лавикандия: Небо и долг

Необычный человек

Повесть

1.

В моих записях за этот день все начинается с пометки «Без четверти семь утра: выехал на тело». Дальше все путано и большей частью скорописью.

Мертвым он выглядел так же, как и все прочие: обычный немолодой худд. Пока эксперты не приехали, я выслал из комнаты причитающего трактирщика и быстро все осмотрел. В комнате не было ничего примечательного. Обычная комната столичной гостиницы средней руки с большой кроватью, шкафом, столом, тумбочкой и двумя стульями. На тумбочке лежало Писание — видимо, его читали или хотя бы перелистывали. Учитывая ситуацию, я невольно этому улыбнулся.

Постаравшись отстраниться я попробовал накидать ориентировку на покойного. Ну — худд, рост чуть выше среднего, около 250 лет, шерсть молочная с темными пятнами, нос длинный, уши стоячие. Для своих лет выглядел он здорово: моложаво и подтянуто, как будто каждый день упражнялся. Перерезанное горло его почти не портило. Кровь залила четыре слоя неофициальных, но и недешевых халатов, а заодно пол и часть кровати.

Упал он с нее или сполз, разбираться будут эксперты.

Я открыл дверь на балкон. Как я и заметил с улицы, балкон тут (как и во многих гостиницах империи) шел вокруг дома, и если постоялец не запирался, пройти в его комнату спокойно можно было и не заходя на первый этаж гостиницы. Прекрасное место для тайной встречи. И для убийства, конечно.

Облокотившись на бортик балкона я посмотрел вниз. Утро было безобразно ранним — 8 часов. Первые торговцы только появлялись на улице и поспешно проходили мимо здания, поглядывая на скачущих и сонных ВОТовцев, окруживших гостиницу. Пока ни те, ни другие не знали, что произошло. Об этом не написали в газетах, не заговорили в трактирах. Пока об этом знали, по большому счету, три человека: я, убийца — кто бы он ни был — и сообразительный следователь из ВОТа, узнавший жертву. Удивительна, впрочем, не его догадливость, а то, что опознал тело он один. Конечно, Тино-ин-Кару не самый известный человек в столице. Но уж стражники могли бы знать его в лицо.

Я вспомнил, как сам увидел его в первый раз, лет десять назад. Была большая служба — какой-то ре-

лигиозный праздник. В церкви столпилось необычайно много народу. Те, кому не хватило мест на скамьях стояли в проходах, прижимались к стенам и теснились в дверях, пока старший священник храма читал обычные молитвы. Сильно пахло потом и благовониями. Слова священника почти нельзя было различить за гулом: все они говорили негромко, но слитно и совершенно не обращали внимания на святого отца.

И тут вышел он, брат Кару — немного выше среднего роста, молочная с серыми пятнами шерсть и все такое прочее. Он выглядел совершенно неприметно, но все тут же замолчали, а потом закричали приветствуя его. Кару поднял руку и снова стало тихо. Тогда он начал проповедь.

Скажу честно, что эта проповедь не произвела на меня никакого впечатления — случалось мне слышать ораторов и получше. Но нельзя было не заметить переживания брата Кару. Речь шла о Битве у трех озер и скорби Пророка — и вот в какой-то момент голос проповедник вдруг сорвался. Он заплакал. Вся церковь смотрел на него, а потом заплакал в толпе еще кто-то, и еще, и вскоре вся церковь рыдала. Немолодой чиновник рядом со мной утирал слезу шитым платком, богатая дама — явно

придворная — двумя рядами ближе к алтарю голосила, как на похоронах.

Такого мне до того видеть не приходилось. Выйти незаметно у меня бы не получилось: стоявшие в дверях уже опустились на колени. Остаток службы я просидел утешая себя тем, что мое удивление стоило заплаченных за место в пятом ряду денег.

О брате Кару говорили и писали. Некоторые считали его святым, другие — гениальным оратором, третьи — сумасшедшим. Кому-то он казался просто талантливым актером, а кому-то удачливым карьеристом. Теперь он был убит, а мне предстояло разобраться, кто это сделал. Помнится, я подумал, что невозможно представить кого-то менее подходящего для расследования. Не лучшая мысль в трех шагах от трупа, но из песни слова не выкинешь.

Я вернулся в комнату, открыл окно и при свете солнца оглядел тело внимательней. Кару был одет как мирянин, в обычные халаты. Почему? Насколько я знал (и позже проверив понял, что не ошибся) лаврикианские священники имеют право в свободное время одеваться не по канону. Но это не слишком принято и уж во всяком случае никто не стал бы делать этого без причин. Верхнюю одежду, придя вчера вечером в комнату, он снял: один из

халатов висел на дверце шкафа — вчера был дождь, очевидно Кару промок. Там же, в шкафу, лежала полумаска. Не то чтобы маска действительно не позволяла узнать брата Кару. Она была символом того, что человек носящий ее, не хочет быть узнанным и готов платить за этого. Маски часто носят придворные и светские дамы. Меня эта традиция раздражает. Она раздражает любого, кто зарабатывает на жизнь расследованиями. Почему брэ или фели не надевают масок, когда идут развлечься, а худды надевают? В этом весь наш дом.

Итак, он пришел сюда в 31 час — это говорит трактирщик. За комнату он заплатил вперед и заплатил щедро, но не ночевать не собирался. Из еды заказал цыпленка и бутылку хорошего вина. Подойдет и для плотного ужина в одиночестве, и для встречи — тем более что тарелок он попросил принести две. С кем он мог встречаться поздним вечером? С кем угодно, гадать пока было бессмысленно — я слишком мало знал.

Правильно поняв намек, хозяин не стал беспокоить гостя и после того, как принес еду (Кару еще был один и в маске), больше в комнату не заходил. Когда гость не сдал ключ в обещанный срок, к полуночи, трактирщик должен был бы забеспокоиться. Но

подумал — и всякий бы подумал на его месте, — что это придворный встречается с любовницей, и решил задержаться до утра, а с утра можно будет содрать с него двойную плату. Богатый человек предпочтет заплатить, чем спорить с кафа.

В три утра сосед Кару по коридору, средних лет гегра-агроном, вызвал к себе служанку, велел привести хозяина и сумел убедить его в том, что за стеной кто-то умер. Вместе они взломали дверь. Позже выяснилось, что ломали зря — вторая, балконная дверь была не заперта.

Мне оставалось надеяться на то, что трактирщик мекрарианец и лаврикианского священника в лицо не знает, а гегра — провинциал и никогда не был на проповедях покойного. Чем дольше мы сможем откладывать скандал, тем легче мне будет работать. Лучше всего было бы не рассказывать о нем журналистам вовсе, но в таком деле на это рассчитывать не приходилось.

2.

— Меня зовут Миту-ка-Оро. Я офицер Тайного управления, и хочу задать вам несколько вопросов. Вот моя пайцца.

— Да, входите пожалуйста, господин...

– Десятник. Я не задержу вас надолго.
Представьтесь, пожалуйста.

– Би-Халю, агроном из Тугэ-ни.

– Это на Большом канале?

– Да.

– Господин Халю, расскажите мне подробно, что вы делали вчера вечером и ночью?

– Вы меня подозреваете?

– Я этого не говорил. Просто расскажите.

– Ну я приехал в гостиницу около 26 часов. Комната у меня была заказана. Дело в том, что я в Кос-тха-ни приехал на Агрономический конгресс, который каждый год устраивается. Я делаю доклад о новых методах орошения в пустынных и полупустынных условиях.

– Не отклоняйтесь, пожалуйста.

– Простите, десятник. Как я уже сказал, я приехал в гостиницу около 26 часов. Поужинал внизу, в общем зале. Потом пошел погулять по округе — я редко бываю в столице, все интересно. Гулял довольно долго, но пошел дождь, и я вернулся сюда. Около 31 часа это было.

– Хорошо. От этого момента давайте подробней.

– Я вернулся и решил уже посидеть у себя оста-

ток вечера. Я довольно рано ложусь. Когда шел по коридору к себе в комнату, встретился с покойным.

– Как он был одет?

– Точно не помню — в коридоре было полутемно, да и я внимания не обратил. Кажется какой-то халат с простой вышивкой. Помню, что он был в маске. Меня это удивило.

– Почему?

– Ну я знаю, что в столице иногда ходят в маске, но у нас, в провинции, это не принято.

– Ладно, продолжайте. Как он вам показался?

– Покойный? Да никак. Худд как худд. Состоятельный человек. Спокойный.

– В каком смысле?

– Ну, я это чувствую.

– Вы эмпат?

– Шестое чувство, да.

– Так, и что было дальше?

– Я был у себя в комнате. Читал, потом решил прилечь. Но заснуть не получалось — очень уж они ссорились в соседней комнате.

– Вы слышали голоса?

– Нет, что вы. Тут прекрасные стены, ничего не слышно. Да может они и не кричали.

– Тогда откуда вы знаете?

– Я ощущал их настроение. Их там было двое, и они изначально были не очень рады друг другу. Но к концу вечера они прямо пылали.

– Кто они были?

– Не знаю. Один, конечно, покойник — его я узнал. А другого я не знаю, так что ничего сказать о нем не могу.

– Почему вы решили, что в соседней комнате кто-то умер?

– Ну, я все-таки иногда отключался, хотя они мне и мешали. Знаете, я в этом смысле очень чувствителен. Что скажешь, одни джаух на шесть поколений назад. Но все-таки иногда я засыпал. Потом просыпался. Пару раз проснулся — и чувствую, что там в комнате никого нет.

– Они могли уйти или спуститься в общий зал.

– Могли, наверное. Но мне это в голову как-то не пришло. Очень уж они там до этого горячились. Как-то сразу подумал самое страшное. Вышел из комнаты, постучал в их дверь. Молчат. Ну и я, знаете, как-то запаниковал.

3.

Дождавшись экспертов — двое усталых после ночного дежурства лее — я уехал. Мне нужно было

позавтракать и наметить план расследования. Звучит это банально, но все же неплохо было понять, кому может быть выгодна эта смерть.

Брата Кару многие любили. Настолько многие, что не могло не быть тех, кто ненавидел его. Подчиненные, начальники. Честолюбивые конкуренты. Фанатические честолюбцы. Религиозные фанатики. Масса людей имела причины желать его смерти — это при том, что я даже не знал скрытых деталей его биографии. Между тем скрытые детали биографии есть у всех, даже у святых. Иначе и быть не может, особенно если мы говорим о худде.

Времени было мало, а значит завтрак в кафе, на который я рассчитывал до вызова на тело, отменялся. Оставалось поехать в управление и уповать на столовую.

Пока мне несли обед в кабинет (есть свои плюсы в работе на оперативный отдел), я запросил досье на Тино-ин-Кару. 245 лет, отец, дед и прадед — священники в далекой провинции. Учился в теологическом училище в Соб-ха-ни. Дипломная работа по ересям. Был назначен третьим, затем вторым и наконец первым священником в храм на Морской улице. Там я его и видел несколько лет назад. Женат, имеет сына. Глава общества праведной

веры, общества борьбы против опиума, общества помощи сиротам и почетный член еще десятка других. Преподавал закон божий в училище права. Организовал три школы грамоты для малоимущих семей. Создал сеть странноприимных домов по всей империи. Приставлен к ряду государственных и церковных наград, причем первых куда больше, чем вторых. Автор нескольких книг и множества открытых писем и печатных проповедей.

Моя работа приучила меня мрачно смотреть на мир. Поэтому, доедая рыбную запеканку, я думал не о том, какой превосходный член общества покинул нас. Преимущественно я думал о деньгах. Откуда у провинциальных священников деньги на обучение сына в Соб-ха-ни, лучшем (и самой консервативном) теологическом училище империи? Откуда брались деньги на общества, школы, приюты? Успешность всех коммерческих начинаний этого человека сделала бы честь многим купцам-кафа. При всем том я не раз читал, что сам он был бессребреником и едва ли не аскетом.

В его биографии было много странных поворотов, которые я пока не мог объяснить. Почему, окончив училище со специализацией по ересям, он не пошел работать в Палату пагубных уче-

ний, как ее называли у нас ППУ, а стал третьим священником пусть и большого, но захудалого в те времена храма? Почему все еще возглавляет этот храм? Если судить по популярности брата Кару в народе он должен был быть уже настоятелем крупной церкви в центре, а то и экзархом.

Впрочем, подумал я, возможно я удивляюсь лишь потому, что этот человек мне не нравится. Я недоверчив. Мне сложно поверить в истовую веру, а еще сложнее — в финансовую чистоплотность тех, кто распоряжается большими деньгами. Я скептик. Это моя профессия: быть скептиком. Но могу же и я ошибаться.

Ехать в приход, к родным, пугать и стучать кулаком по столу, как я хорошо понимал, мне все равно придется. Даже если брат Кару был безгрешным, как мотылек, и честным, как младенец, это не отменяло странностей его смерти. По сути это и был главный вопрос, стоявший передо мной. Если бы я понял, зачем один из самых популярных и авторитетных проповедников страны ночью тайно пришел в гостиницу на окраине, то скорее всего узнал бы и имя убийцы.

Беда была в том, что всю свою жизнь я не интересовался религией. Мой отец был архитектором и,

как ни прискорбно это признавать, не отличался большой религиозностью. С детства я привык ходить на службы два или три раза в году, а исповедовался только священнику из Тайного управления: у всех прочих для моих грехов был недостаточно высокий уровень допуска. Я вообще не понимал, как это дело попало ко мне. В Палате пагубных учений есть свои специалисты. Если они и уступают мне в опыте расследований, то не сильно — и уж во всяком случае они куда лучше моего разбираются в церковной политике и вопросах богословия. Если бы они хотели разобраться в этом деле без лишнего шума, уже сейчас в моем кабинете сидели бы их представители. И я, кстати, с большим удовольствием отдал бы им это дело, чтоб спокойно заняться моими обычными проблемами типа фальшивомонетчиков или зарвавшихся синдикатских бойцов.

4.

- Десятник Миту-ка-Оро по вашему приказанию прибыл.
- Сядь и расслабься.
- Спасибо, шеф.
- На тело посмотрел?

– Да, с утра. Эксперты пока думают, но ясно, что его зарезали.

– Оружие?

– Пока не знаю. Но боя, я думаю, не было. Впрочем, не думаю, что его было так уж сложно зарезать. Хотя бог знает.

– Ладно, разберешься. Дело твое. Результаты нужны как можно скорей, желательно завтра. Если не получится — послезавтра. Но не тяни. Расследованию придают значение наверху, так что нужны результаты, а все остальное значения не имеет. В деньгах ты не ограничен. Убийцу по возможности брать живым. Вопросы?

– Какие могут быть вопросы сейчас? Вот разве что — почему мы занимаемся этим?

– Потому что так решили наверху.

– В том числе и в церкви? Или при дворе?

– Я этого не говорил.

– А почему этим делом занимаюсь я?

– Потому что я так решил.

5.

Нельзя сказать, что разговор с шефом очень мне понравился. Скорее нет. Но выбивать из него подробности явно не имело смысла хотя бы до тех

пор, пока я сам не получу ответы на простейшие вопросы. По большому счету, надо было начинать с жены и сына, но общаться со вдовами — то еще испытание. Так что я смалодушничал и поехал в храм.

Храм на Морской находится недалеко от порта. Район этот не из лучших. В прошлый раз, когда я тут был, выглядел он соответствующе: слегка потрепанным и обветшавшим, несмотря на скромный возраст в пару столетий.

Теперь те части, которые не были спрятаны за строительными лесами, были свежоокрашены, плоский купол покрыт новой черепицей, церковь окружала чугунная решетка. На лесах работали каменщики и маляры. Все это однако не удивило меня после досье. Станным показалось мне множество нищих, собравшихся у ворот. Нищие часто встречаются у мекрарианских храмов, где богатые прихожане сплошь и рядом раздают деньги. Но у лаврикианцев нищих можно увидеть разве что на похоронах. Но здесь, пока я поднимался по ступенькам по входу, ко мне дважды обратились с просьбами подать на рис.

Внутри оказалось очень чисто и неожиданно светло. Запах благовоний был оглушающим и, хотя я не нюхач, мне пришлось остановиться в дверях,

чтоб немного привыкнуть. Церковь и в первый раз показалась мне большой, но сейчас, когда в ней было малоллюдно, я смог оценить истинные размеры помещения. Эта церковь была одной из тех, которые строились по проекту облагораживания прибрежных районов острова Кос. Считалось, что здесь будут построены богатые дома для чиновников-худдов, феодалов-брэ или фелийской профессуры. Но, конечно, ничего этого не случилось, и тут, как и при прошлой династии, были только хутуны: узкие переулки, где два человека могут разминуться только если они кафа и прыгают по брусьям на уровне разных этажей.

Гораздо нужнее здесь был бы мекрарианский храм или хотя бы вытащенная на берег джонка, посвященная Мореходам. Но раз уж тут построили лаврикианскую церковь, надо было назначить и священников. Говорят, что до проповедей брата Кару даже в праздники помещение редко заполнялось целиком. Сейчас тут тоже было немного людей: пожилая пара худдов ставила палочки у алтаря, кадет-брэ из Академии генштаба молился — об удачной сдаче экзамена, вероятно. Утренняя служба уже закончилась.

Как и снаружи, внутри церковь поражала если не

богатством, — украшений тут, конечно, не было, — то добротностью.

Я огляделся. Младших священников не было видно, и я подошел спросить о них у симпатичной немолодой худдской дамы, раздававшей курительные палочки. Встретила она меня с какой-то, как мне показалось, подозрительностью, но сходить за помощником настоятеля согласилась. Пока она ходила, я присел было на скамью, но тут мое внимание привлек ящик на ее столе. Ящик явно был предназначен для пожертвований и даже был прикован к полу тонкой цепью. На стенке его каллиграфическим почерком были выведены иероглифы «Общество друзей брата Кару».

О таком обществе я слышал впервые. Более того, в досье Тайного управления, которое я держал в руках часом раньше, об этом обществе не говорилось ни слова — хотя среди прочих были перечислены совершенно незначительные организации.

Я подошел к ящику и приподнял его. Даже без учета цепи и крепких деревянных стенок весил он немало. И даже если он был заполнен медными фынами, то сумма в нем должна была быть изрядной. Между тем было раннее утро, только прошла первая служба, а вечером ящик скорее всего опустошали.

Из всего этого, рассудил я, можно сделать только такие выводы: общество существует, постоянным прихожанам оно известно, пользуется их доверием и распоряжается некоторыми суммами, но при этом не прошло официальной регистрации. Вообще-то общество может собираться из без разрешения, если оно не злонамеренно, и даже может иметь неформальную товарищескую кассу, но принимать пожертвования от посторонних — это чересчур. Словом, все это мне страшно не понравилось, потому что тянуло хоть и на незначительное, но все же нарушение закона.

Я прекрасно понимал, что большинство людей не хочет вникать в бюрократические тонкости ведомства финансов, да расследования такого рода не входили в мою компетенцию (сколько, в конечном счете, они могли собрать?) Смущало мне другое. Я не понимал, зачем бы им было нужно скрываться. Благотворительное общество при лаврикианской церкви в любом случае не облагалось бы никакими налогами. Я прекрасно это знал, так как разоблачил за свою жизнь не одного «благотворителя», пользовавшегося этим законом.

Когда я был тут в прошлый раз, ничего подобного я не заметил. Но тогда меня привело сюда любопыт-

ство, а не работа, и я просто не вникал в детали. Припоминая, задним числом я понял, что уже слышал это название — но не понял тогда, о чем идет речь.

У меня был недолгий отпуск, и я хотел посмотреть на знаменитого проповедника — тогда о нем как раз начали писать газеты. Придя к службе в ближайший праздничный день я обнаружил, что попасть в церковь практически невозможно. Толпа заполняла ее всю задолго до службы. Разочарованный, я уже собрался уходить, но ко мне подошел молодой, слегка потрепанный худд — мелкий чиновник или что-то в этом роде. Он предложил мне заплатить фан, и пообещал обеспечить место в пятом или шестом ряду. Рассудив в том духе, что примерно столько же я заплачу за билет в театр или приятный вечер в таверне, я согласился, и на следующий раз мой знакомец действительно занял для меня хорошее место.

Когда перед службой я передавал ему деньги, этот мятый господин неожиданно пожал мне руку и пообещал, что «деньги я не себе заберу, не думайте, они пойдут друзьям брата Кару». Тогда я счел эти слова невинной ложью, фигурой вежливости, данью обстановке. Сейчас мне пришло в голову, что за ними могло крыться вполне буквальное указание.

Если это действительно было так, и все места в первых рядах стоили по фану, за одну только праздничную службу «Друзья» должны были зарабатывать не меньше сотни золотом. И это без учета экономных дальних рядов и передних, которые наверняка шли по более высокой цене.

Размышляя обо всех этих странностях я не заметил, когда из пристройки в церковь вышел второй священник. Это был молодой худд — пожалуй лет 120, поджарый, белошерстный, с тяжелым крупным лицом, большими брылями, загнутыми ушами и рыжим пятном на правой стороне. Сложение у него было что надо, но тренировки никакой, не говоря уже о владении оружием.

Он быстро шел ко мне, пожалуй даже быстрее, чем прилично ходить священнику, да и вообще кому бы то ни было в церкви. Подойдя ко мне он коротко кивнул. Я встал и отвесил поклон положенный при встрече с духовным лицом, что, кажется, его несколько удивило. Разобраться в этом я не успел, потому что меня в свою очередь еще больше удивили его первые слова.

6.

- Неужели вы уже пришли?
- Простите?
- Еще никому даже не объявили о смерти наставника, а вы уже пришли разбираться с храмом.
- Вы, очевидно, принимаете меня за кого-то другого. Меня зовут Миту-ка-Оро, я офицер Тайного управления.
- ТУ?
- Да. А почему вас это так удивляет.
- Простите, я принял вас за другого человека. Простите, пожалуйста. Пойдемте, здесь нас никто не услышит.
- Давайте расставим все по своим местам. Я из ТУ, расследую смерть отца Тино-ин-Кару. Кого бы вы ни ждали, я не имею к ним никакого отношения и никак вам не угрожаю. Если, конечно, это не вы убили его. Это были не вы?
- Нет, что вы!
- Не сомневаюсь в этом. А теперь просто ответьте мне на пару моих вопросов, хорошо? По возможности полно.
- Спрашивайте.
- Прежде всего: за кого вы меня приняли?

– Это не важно, к смерти наставника это отношения не имеет.

– Давайте я буду решать, что важно, хорошо? Все может иметь отношение к смерти отца Тино. Вы ведь хотите узнать, кто это сделал?

– Да, конечно. Простите меня. Я принял вас за людей из палаты экзарха.

– Экзарха?

– Да, экзарха Кос-тха-ни. Они давно затаили зуб на брата Кару. Конечно, ведь он угрожал их благополучию, мешал им работать.

– Объясните, пожалуйста, подробнее.

– Вы встречались с ним когда-нибудь, видели его?

– Нет, никогда.

– Он был настоящий подвижник, святой. Трудился день и ночь, подавал пример другим. А они там — настоящие бюрократы, хуже чем в ведомствах. Простите, я не о вас, конечно.

– Ничего, я знаю, какие бывают бюрократы.

– Да. Так вот они часто спорили, указывали брату Кару, что надо и что не надо делать. Не понимали его. А теперь он мертв, и они, конечно, хотят уничтожить нашу общину. Его они боялись, а нас не испугаются. И меня, и младшего священника

переведут в другие храмы, сюда поставят своего человека.

– Понимаю вас. Вы можете назвать конкретные имена этих людей?

– Тех, кто нам угрожал? Нет, их много было. Ну вот секретарь экзарха, например. Думаю, и сам экзарх, но он не опустился бы до полемики. Тем более, если был риск в ней проиграть.

– Хорошо. Не волнуйтесь об этом и постарайтесь ответить мне на другие вопросы. Когда вы в последний раз видели брата Кару?

– Вчера.

– Расскажите подробнее, что он делал вчера.

– Все было как обычно, по расписанию. У него было расписание, довольно жесткое. Вставал он рано, в 7 утра. Завтракал — ну традиционный завтрак, отвар и пресное маньтоу. В восемь принимал посетителей — до без четверти 9. В 9 — утренняя служба до десяти. Потом ехал по делам: посещал дома, куда его приглашали на отпевания, исповеди, публичные проповеди. У него было много светских учеников. Это где-то до 13 часов. Потом, до 17 — дела наших приютов, школ, обществ. Возвращался назад, быстро обедал. В 18 часов, в полдень — дневная служба.

- Вы его сопровождали в этих поездках?
- Нет, с утра нет. Это делала госпожа Юки или кто-то из ее помощников.
- Хорошо, о ней потом. Расскажите, что он делал дальше.
- После дневной проповеди он ложился на час поспать, тут, в пристройке, в своем кабинете. Вставал в 20 часов. Два часа принимал исповеди в храме. Потом еще два часа занимался делами — храма и не только, у себя тут. После этого у него как правило были встречи. Как правило его приглашали либо к позднему обеду в несколько домов. Так что до 27 он был там. Вчера я был вместе с ним во вторую половину дня, обедали у вдовы генерала Пир-ли-Тана. В 28 часов — вечерняя служба. После нее он как правило еще час принимал исповеди, а потом ехал домой или с визитом куда-нибудь. И так всегда, если только не было праздника или он не уезжал из столицы.
- Что он делал вчера после вечерней службы?
- Как и всегда, час принимал исповедь, а потом уехал. Сказал, что у него важная встреча с человеком, который может очень нам помочь.
- В чем помочь?
- В пожертвованиях. Брат Кару хотел открыть

новую школу для детей бедноты. Мы собрали на это деньги, но неожиданно подрядчик потребовал сумму больше, чем мы рассчитывали. Школа уже на половину построена, бросать эту идею никто не хотел, и меньше всех — брат Кару. Так что он искал кого-то, кто мог помочь с деньгами ради этого дела. Задача самая благородная, мне кажется.

— Хорошо. Когда вы видели его в последний раз?

— Как раз перед отъездом. Он сказал, чтобы завтра я был готов провести утреннюю службу вместо него, так как он может не успеть из-за важной встречи. Теперь-то ясно, с кем эта встреча была, да я дурак не понял.

— С кем?

— С Господом, вот с кем. Уж если кто-то попадет в рай после смерти, то брат Кару — бесспорно. Так что сейчас он уже там. Если бы я его задержал тогда!

— Больше он ничего не говорил?

— Только чтоб я зашел к нему домой на обед сегодня. Тоже был мне намек: и правда придется мне прийти, принести соболезнования супруге его. Что с ней теперь будет, не знаю.

— Хорошо. Кто такая госпожа Юки?

— Это его помощница, замечательной души

женщина, вдова одного чиновника. Она очень близко к сердцу приняла все идеи брата Кару и помогает ему уже пятнадцать лет. Очень самоотверженно, в ущерб всем своим делам.

– У нее есть какая-то официальная должность?

– Нет, никакой. Она просто друг брата Кару.

– Вот как.

– Да. Это все, что вы хотели узнать?

– Пока да. Потом я может быть еще зайду к вам.

– Конечно. Слушайте, господин...

– Миту.

– Господин Миту, я хотел спросить вас. Мне пришло письмо из палаты экзарха. Они требуют, чтоб мы не объявляли о смерти брата Кару.

– Это очень разумно с их стороны.

– Но как же? Ведь люди придут на службу. Что им сказать? И что отвечать всем тем, кто уже прислал записки в храм? Ведь сегодня утром у наставника было назначено много встреч. Ради возможности побеседовать с ним люди по несколько месяцев ожидают в очереди!

– Я думаю, вам стоит спросить об этом в палате экзарха. Я бы посоветовал вам пока просто не отвечать на эти письма, но возможно ваше начальство имеет другие соображения на этот счет. Вы слышите

меня, святой отец? Вот, возьмите платок.

– Да. Простите. Брат Кару... он был очень близким для меня человеком. Не думал, что все так случится.

7.

Оставаться в храме смысла особого не было. Спрашивать в лоб о «Друзьях» мне пока не хотелось, да и нажимать на священника в таком состоянии было бессмысленно. Справившись у него об адресе госпожи Юки, я вышел и поймал повозку. Признаться, я не знал, куда отправляться. К родным стоило ехать ближе к обеду, когда схлынет первая волна горя. К госпоже Юки смысл поехать был, но что я у нее спрошу? Конечно, я надеялся, что она знает о встречах покойного больше, чем его незадачливый помощник. Но с другой стороны, если в убийстве была финансовая подоплека, — а этого я теперь не исключал, — именно Юки могла оказаться в центре заговора. Ехать к ней не подготовившись было глупо.

Следовательно, начинать надо было с другого: палаты экзарха и отдела финансовых преступлений в нашем ведомстве. Поскольку в палате, как и в любом незнакомом месте, лучше выглядеть

человеком сведущим, начать я решил со второго.

Картина, которую я составил из отчетных документов и сводок отдела, превзошла все мои ожидания. Признаться, я не мог даже предположить, что простой священник, не член Совета девяти и даже не экзарх провинции мог настолько близко подойти к ним по степени своего влияния и богатства.

Прежде всего, конечно, выяснилось, что в отличие от меня отдел финансовых преступлений прекрасно знает о деятельности «Друзей брата Кару» и собрал о них немало информации. Выжимка из нее, предоставленная мне коллегами, производила впечатление: на данный момент через руки «Друзей» каждый год проходило порядка восьмисот тысяч фанов — не считая многочисленных подарков, земли и недвижимости вообще. При этом такая оценка была минимальной, и никто не исключал, что сумма эта может быть куда больше. Отследить ее истинные размеры было весьма непросто, так как большую часть составляли пожертвования, делаемые прихожанами Тино-ин-Кару во время личного общения с ним, госпожой Юки и парой ее помощников.

Первым вопросом, возникшим у меня при упоминании таких сумм был, конечно, «почему все они

еще на свободе?» Хитрость, однако, заключалась в том, что все эти фантастические деньги или по крайней мере очень большая их часть правда расходовались на благотворительные или церковные нужды. Аналитики из отдела финансовых преступлений были совершенно уверены в том, что часть денег оставалась в руках Юки и ее людей, но доказать причастность к этой афере брата Кару они не могли. Как ни сложно было предположить, что покойник не знал ничего о происходящих вокруг него делах, оставалась и такая вероятность.

Единственным вопросом, который мог быть подввергнут дискуссии, было нецелевое расходование этих средств на нужды самого проповедника: он не только носил дорогие халаты и жил в хорошем доме, но и имел превосходную конюшню и даже собственный небольшой корабль. Милостыня и пожертвования, которые делал он лично (из денег, добытых им самим и «Друзьями») составляли немалую статью расходов. Вопрос о том, почему деятельность эта не была пресечена церковью для меня оставался открытым. Возможно, впрочем, что она не слишком беспокоила Совет девяти, пока брат Кару не обращался за деньгами к ним. А этого никогда не случалось. Даже храм на Морской улице, как

выяснилось, был отремонтирован и перестроен на средства жертвователей.

Связи, налаженные проповедником, производили немногим меньшее впечатление. Он был представлен ко двору и лично встречался с императрицей. Число его духовных чад среди худцов-чиновников высоких рангов и военных офицеров от кавалерии, а более того — среди их жен заставило меня усомниться в собственных способностях наладить агентурную сеть. Работай брат Кару на наше управление, ему не было бы цены. Не было бы ее и если бы он стал сотрудником палаты пагубных учений или церковной тайной службы — пресловутого «Экзархата Юг», с людьми из которого я имел пару не самых приятных встреч. Но по данным нашей службы он не работал ни на тех, ни на других.

Вопрос, который больше всего заботил моих коллег, звучал так: «Является ли брат Кару циничным аферистом, или святым, которому невдомек житейские проблемы?» После прочтения всех предоставленных мне документов я так же затруднялся на него ответить.

Но самым досадным было то, что все эти сведения нимало не приблизили меня к пониманию того, кто мог желать смерти этому человеку. Сложно было

поверить, что это Юки — никто не станет убивать человека, приносящего такие деньги. А приносил их именно Кару и больше никто — без его обаяния и деятельной воли «Друзья» станут обычным благотворительным обществом с годовым оборотом в десять раз меньше нынешнего. С другой стороны я не мог отбросить возможных привходящих. Так, например, если проповедник действительно не понимал, что его ближайшее окружение наживается на его благотворительной деятельности, и неожиданно это открыл — он вполне мог угрожать Юки публичным разоблачением. И в таком случае ей вполне могла прийти в голову мысль убраться святого, финальным штрихом собрать побольше денег на ажитации вокруг его смерти и спокойно проживать накопленное всю оставшуюся жизнь. Своих дочерей она уже успешно выдала за богатых прихожан из Белой кости и таким образом судьба ее выглядела совершенно устроенной.

В то же время на наследство «Друзей» вполне могла претендовать семья покойного. Поскольку формально общества не существовало, а все деньги жертвовались лично брату Кару (даже если распорядилась ими потом Юки), жены и сын священника по закону были бесспорными наследниками всех

имевшихся в данный момент на руках у проповедника сбережений. Конечно, какая-то часть могла быть пожертвована под гарантию их дальнейшего использования в богоугодных делах. Но едва ли многие жертвователи озаботились подобным бюрократическими нюансами.

Наконец, я слишком долго работал в управлении, чтобы не знать, кого привлекают большие деньги. Если о существовании «Друзей» и их капитала знает худдское Тайное управление, то почему бы о нем не знать кафским синдикатам?

8.

– Добрый день! Я корреспондент «Молодого лавикандца». До нашей редакции дошли слухи о смерти известного столичного проповедника брата Кару. Господин десятник?

– Без комментариев.

9.

Еще до отъезда из ТУ я получил две важных новости. Во-первых, эксперты закончили первичный осмотр тела и с разрешения экзарха приступили к вскрытию. Я не ждал, что разрешение на вскрытие

дадут так легко — часто даже с мирянами-лаврикианцами возникают сложности, а уж о священниках нечего и говорить. Согласно заключению наших лее проповедник был убит двумя ударами — первый пришелся ему в грудь, второй, более аккуратный, в шею. Орудия убийства, предположительно, какой-то тип ножа или кинжала. Убийца был достаточно силен, ростом скорее всего не уступал или мало уступал жертве и был правой. Схема удара и примерная проекция событий на план комнаты прилагались. На данный момент больше они ничего сказать не могли, но и это уже позволяло отбросить хотя бы всех подозреваемых гегра, некрупных каба и, буде они могли появиться, брэ. Агроном и тракторщик автоматически перемещались из положения подозреваемых в положение самое большее соучастников. Фактически я с этого момента просто выбросил их обоих из головы и — как показали дальнейшие события — был совершенно прав.

Вторая новость была менее приятна: судя потому, что утечка в прессу ушла так быстро, информацию им продал либо кто-то из ВОТа, либо кто-то из нашей конторы. Учитывая, что репортер нашел именно меня, второе казалось мне более вероятным. В любом случае, о секретности расследования

можно было забыть: если в вечернем выпуске «Молодого лавикандца» появляется какая-то информация, на следующее утро ее знает вся империя.

Это создавало проблемы как мне, так и экспертам — в таких условиях откладывать похороны будет сложно, а значит им придется поторопиться со вскрытием. Мне, кроме всего прочего, приходилось теперь быть начеку — корреспонденты не хуже нашего умеют следить за человеком, когда им это надо, а выдавать таким образом информацию о своем расследовании мне совсем не хотелось.

Однако моей поездки в палату все это, конечно, не отменяло.

В паре дел мне приходилось сотрудничать с Палатой пагубных учений. Тогда я немного привык к тому, что становится полной неожиданностью для многих людей, впервые попадающих в церковную организацию: ее абсолютная светскость. Чиновный аппарат Лаврикианской церкви очень мало отличается от любого другого. Вместо форменных халатов на служащих монашеские или священнические, вместо «утверждаю» перед печатью на документах «благословляю» и так далее. Разве что рабочий день начинается не в 11, как у большинства, а в 10, сразу после утренней службы. Лишь поработав с

церковниками некоторое время, начинаешь замечать некоторые их отличия от обычных чиновников. Основным, как ни странно, было присутствие в ведомстве только и исключительно мужчин-худдов. В обычном ведомстве не так уж сложно встретить гегра, подчас — брэ, и уж конечно почти в любом отделе работает пара женщин. У нас в ТУ есть даже фели, которых среди других чиновников не встретишь. В церкви же если женщины и встречаются, то только в ППУ и на самой мелкой бумажной работе.

Палаты экзарха вполне соответствовали традиции. Кос-тха-ни — самый большой город империи, а значит и церквей тут множество. Есть среди них и те, которые почитает большинство лаврикианцев, и все они (исключая, конечно, Храм Пророка) подчинены местному экзарху. Так что огромная канцелярия с толпой монашествующих столоначальников и секретарей меня совершенно не удивила.

Хотя письмом я испросил аудиенции у самого экзарха, к нему самому меня, конечно, не пропустили. Принять меня согласился его помощник, отец Хатэ, с которым я был немного знаком.

Ожидая приглашения войти я изучал доску объявлений. Судя по ней жизнь в палате была

довольно активной. Висели там и поздравления с днями зачатия и свадьбами, и соболезнования по случаю кончин с просьбами помочь деньгами на погребение. Но о той смерти, которая интересовала меня, тут пока ничего не говорилось.

10.

- Добрый день, святой отец.
- Садитесь, сын мой. Вы, наверное, хотите задать мне много вопросов, а времени у меня не слишком много. Так что переходите сразу к делу.
 - Вопросов у меня немного, но они, скажем так, обширные. Первый — самый простой. Как сын и внук бедных приходских священников поступил в соб-ха-нийское теологическое училище?
 - Отец Тино-ин-Кару в детстве проявлял замечательные способности. Благодаря блестящей сдаче вступительных экзаменов и из уважения к старой священнической семье он учился за казенный кошт.
 - Почему окончив училище со специализацией по ересям он не пошел работать в палату пагубных учений?
 - Ответа на этот вопрос я не знаю. Но совсем не обязательно быть следователем палаты, если писал диплом по близкой им теме.

– Правда ли, что у покойного были конфликты с экзархом?

– Нет, это не правда.

– Почему тогда существует такой слух?

– У экзарха и отца Тино не было конфликтов. Но у отца Тино и других священников города были. Вы представляете себе устройство городских приходов?

– Очень обще.

– К каждому приходу привязан определенный район и все его жители-лаврикианцы. Миряне, конечно, могут обращаться со своими просьбами к другим священникам, но вообще-то это не принято. Предполагается, что у других священников есть дела в их приходах. Отец Тино не только не призвал своих духовных детей почтительней относиться к другим священникам, но и сам часто посещал другие приходы. Вы понимаете меня?

– Вы позволите мне говорить сейчас прагматично? В нуждах следствия?

– Да, ситуация обязывает. Нет нужды бояться обидеть меня, сын мой.

– В таком случае я попробую перевести ваши слова на свой язык. Он отнимал у других священников их работу? И пожертвования, которые могли бы

пойти в их храмы?

– Да, это так. Не только пожертвования. Плату за все дополнительные службы, за освещения домов, за визиты к больным и все прочее, что делает приходской священник. Другие были недовольны деятельностью отца Тино. Они обращались с жалобами к экзарху, и тот вынужден был иногда принимать меры.

– То есть?

– То есть делать выговоры отцу Тино. Вы должны понимать, что отец Тино не очень популярен в церковной среде.

– Почему?

– По ряду причин. Он мало считался с другими священниками. Вокруг него все время крутились сомнительные личности. Некоторые даже полагают, что часть пожертвований утекало в карманы этих людей. Наконец, отец Тино очень близко подошел к границам ереси.

– Объясните, пожалуйста. Боюсь, богословие — не моя сильная сторона.

– Думаю, что о ереси милосердчества слышали даже вы, но все же поясню. Лаврикианская церковь, как вы знаете, высоко ставит свободу человеческой воли. Любое принуждение человека, даже ради спа-

сения его души, в Писании осуждается. Касается это и обильной милостыни — она побуждает человека не к самосовершенствованию, а к самоопустошению.

— Вроде того, что надо дать человеку удочку и пусть сам ловит рыбу?

— Не совсем так. То есть это конечно верно, но главное в другом. Задача церкви — воспитание благородного мужа. Благородный муж может попасть в беду, когда ему будет нужна помощь других. Поэтому в принципе в милостыне, конечно, нет ничего плохого. Нужно помочь сироте, вдовице, калекке. Но быть нахлебником благородный муж не может. Получив помощь от друзей один раз, он должен использовать ее с толком и попытаться добиться успеха, а не идти за такой помощью вновь и вновь. Понимаете?

— Более-менее.

— Конечно, я очень упрощаю. Суть идеи в том, что насильственное спасение невозможно и бессмысленно. А когда церковь и верующие начинают кормить толпы попрошайек в обмен на тщательное соблюдение ими заповедей Пророка, это по сути своей — насилие. Никто не приставляет им нож к горлу, но зато появляется другая угроза: прекратите

исповедовать веру, и мы перестанем вас кормить. Милосердчество — опасная ересь. Ее радикальные сторонники нередко доходят до прямого насилия. В таком случае они становятся заботой палаты.

— А брат Кару?

— Отец Тино. Он не монах, и обращение к нему «брат» неверно. Он не был милосердцем, конечно. Иначе его давно отлучили бы от церкви. Но не все в его деятельности находит полную поддержку церкви. Школы для неимущих — это хорошо. Но, скажем, общество по борьбе с опиумом уже не слишком. В рай не загоняют насильно.

— Почему тогда Совет девяти ничего не предпринял?

— Не обижайтесь, но вы совсем не смыслите в делах церкви. Для Совета девяти эта проблема просто слишком незначительна. Вмешаться в нее значило бы обидеть экзарха Кос-тха-ни, моего духовного отца. Он и сам прекрасно справился бы с этой проблемой, без участия Совета.

— Как церковь оценивает деятельность «Друзей брата Кару»?

— Церковь отстраняется от этой оценки. Эта организации неофициальна, ее деятельность не благословлена ни экзархом, ни вообще кем-либо из

священноначалия.

- А участие в ней отца Тино?
- Нам о нем не известно. Возможно, отец Тино был вовлечен в деятельность этих «Друзей» невольно, но в таком случае он не несет ответственности за их поступки.
- И каковы же теперь будут действия экзарха?
- Об этом еще рано говорить, сын мой.

11.

Смысл этого разговора был в общем ясен. Но от того, что мне с потрохами сдали «Друзей», расследование становилось лишь немногим легче.

Время шло к обеду, и я решил перекусить сейчас — потом эта возможность могла мне и не представиться. Выбрав приятный ресторанчик недалеко от палат экзарха я успел не только сесть, но даже съесть первые принесенные закуски, когда к моему столу подошел официант-кафа и спросил, верно ли меня зовут Миту-ка-Оро. Я не стал спорить, и он протянул мне узкий конверт из хорошей бумаги, по его словам переданный для меня каким-то посыльным катарир. На конверте не слишком хорошим почерком было выведено мое имя.

То ли я отупел от раннего подъема и суеты с утра,

то ли на меня подействовали пара глотков пива, но я действительно стал распечатывать конверт — и только достав письмо и прочитав первые строки понял, что сиюю совершенно зря. Оттолкнув официанта, я выскочил на улицу, но посыльного, конечно, видно уже не было. Несолоно хлебавши я вернулся назад в ресторан и принялся за еду, попутно разглядывая послание.

Письмо тоже было написано на самой изысканной бумаге хорошей тушью. Такая бывает только в богатых домах или у профессиональных каллиграфов. Почерк, однако, был далек от каллиграфического, хотя ошибок не было. Текст был такой:

«Господин Миту!

Мне стало известно, что вам поручено было расследование обстоятельств смерти покойного отца Тино-ин-Кару. Настоятельно советую вам воздержаться от углубления в детали этого дела: совершенно ясно, что причиной смерти послужило обыкновенное ограбление. Если же вы считаете своим долгом вникать в предметы, не подходящие вам ни по положению, ни по уму, пеняйте на свою самонадеянность.

С симпатией к вам,
Доброжелатель»

Не знаю, что разозлило меня больше: собственная глупость или шаблонность письма. Добила меня подпись. Очевидно составитель ориентировался на романы типа «1000 знаков». Относится к подобным предупреждениям всерьез невозможно, но и проигнорировать его совершенно тоже было нельзя: дилетант так же способен на убийство, как и профессионал. Более того, именно дилетантов и стоит бояться в моем положении. Синдикаты редко идут на конфликты с ТУ, а одиночкам терять нечего.

По-настоящему волновал меня только один вопрос: кому могло быть нужно такое письмо. Сложно было представить, что это письмо правда признанно напугать сотрудника управления с двадцатилетним стажем. Или же я чего-то существенно недопонял в деле об убийстве брата Кару. Угрозы в письме вполне могут служить не угрозами в прямом смысле, а завуалированным намеком от кого-то из серьезных игроков: дескать, не лезь на рожон, действуй с умом, это дело сложнее, чем тебе кажется.

Если это действительно так... Тут я оборвал полет своей мысли, чувствуя, что ухожу в непозволитель-

ные высоты. Как любил говорить мой первый напарник, если что-то можно объяснить и заговором, и бардаком – смело выбирай бардак.

Тщательно сложив письмо я убрал его в рукав и расправился с обедом. В том месте, куда я собирался пойти сейчас, к столу меня не пригласят.

Уже в повозке я постарался набросать хотя бы примерно свои разговоры со священником в храме на Морской и помощником экзарха. В первом случае я был уверен в том, что человек говорил мне правду — если понимать под правдой то, что он действительно думает. Во втором такой уверенности у меня не было, зато можно было не сомневаться, что мой собеседник говорил не от себя, а от всей своей организации.

В этом втором разговоре больше всего меня заботила та легкость, с которой экзарх отдал нам «Друзей»: я то думал, что он захочет наложить руку хотя бы на часть их сбережений. Сейчас у него была для этого неплохая возможность. Отказ от такого вкусного куска мог означать только одно: экзархату не под силу было его проглотить. Что-то, невидимое для меня, но ясное для церковников, мешало.

Что это? Обвинение в ереси? Едва ли, хотя и возможно. Нежелание привлечь внимание Совета?

Тоже маловероятно.

Возможно, пришло в голову мне, ключ в запрете оповещать прихожан о смерти брата Кару? Сам по себе этот запрет, как я и сказал, очень разумен. Но обычно такие инициативы выдвигает наше управление, и как правило наталкивается на отказ. Скрыть смерть сколько-то известного лица не так-то просто, а Кару был очень известен. И, вероятно, уже сегодня вечером его прихожане узнают об этом из газет.

Вероятно, тут я воскликнул, или выругался — не помню. Во всяком случае кучер обернулся ко мне, и я недолго думая велел ему изменить маршрут. Привычка всегда подозревать самое худшее, похоже, на этот раз меня подвела: репортер мог узнать мое имя не в ВОТе, и не в ТУ, а совсем в другом месте: там, где ему и надлежало искать информацию о покойном в первую очередь. Там, где я и сам начал ее искать.

12.

Спустя тридцать минут я увидел храм на Морской — но еще раньше я его услышал. Толпа не теснилась в дверях. Она окружала церковь и дальние ее края доходили до конца квартала. Гул голосов напоми-

нал слитное жужжание гигантской пасеки. Здесь были кафа и гегра, брэ и катарир, но больше всего было худдов: студентов, мелких чиновников, клерков, бедняков. Стражники из ВОТа держались поодаль и, кажется, были совершенно растеряны.

Проехать к церкви было невозможно. Я соскочил с повозки и пошел вперед. Сначала люди расступались, пропуская меня: человек с мечом, даже и не в форме, всегда внушает почтение. Но потом им просто некуда стало расступаться, и мне пришлось пробираться сквозь толпу едва ли не силой. На улице перед храмом собралось по меньшей мере пять тысяч человек. Многие из них рыдали.

С большим трудом добравшись на ворот храма я уже отчаялся войти внутрь, но мне повезло: толпа расступилась и наружу вышла немолодая худдская дама, ведомая под руки двумя рослыми спутниками, тоже из нашего дома. Я нырнул в освободившийся проход и попал в церковь.

Кажется, никогда до того я не видел такого количества людей, набившегося на такое, пусть и большое, но все же ограниченное пространство. Даже на больших матчах по игре в мяч. Это сравнение и тогда пришло мне в голову, потому что ощущения у меня возникли почти те же: во время тяже-

лого проигрыша любимой команды ее поклонники зачастую теряют самообладание и готовы в любой момент сорваться. Хотя я и не нюхач, но скажу, что в этот раз в церкви пахло не потом, а страхом и гневом.

Идти вперед стало почти невозможно, но я знал, что должен это сделать — нужно было хотя бы попытаться остановить священника, потому что если бы он вышел на кафедру сейчас, только Небо знает, что могло бы прийти ему в голову.

Только подобравшись к алтарю на расстояние в пару десятков шагов я понял, что опоздал. Из пристройки раздавались громкие голоса, часть толпы забилась и туда. Я слышал крики и звон оружия.

Экзарх сообразил раньше чем я, его люди были уже здесь. А может быть и не он — не важно. Так или иначе, сейчас эти люди рисковали стать первыми жертвами на могиле брата Кару. И если бы это действительно произошло, число жертв возросло бы в геометрической прогрессии. На звуки драки сюда соберутся вотовцы, но взбешенные смертью проповедника люди сомнут их, не заметив. Но сопротивление толпы властям в империи имеет только одно название — бунт. 12 зол. Смертная казнь для всех, кого поймают на месте преступления, а

может и не только для них.

Выхватив меч, зажав в левой руке пайцзу и проорав во всю глотку «именем государя», я рванулся к пристройке. Теперь уже без сантиментов, просто расталкивая людей на своем пути, но все же не пустая оружия в ход. Толпа расступилась, и я ворвался внутрь прежде, чем сообразил, во что себя втянул.

В комнате было шесть человек. Все они были худыми. Такой концентрации худцов, как сегодня, я не видел уже несколько лет. Ближе всего к дверям стоял священник, с которым я говорил сегодня утром — но вместо слез у него в глазах был только гнев. Хуже того — священный гнев, осознание своей полной и всеобъемлющей правоты. Причетник, дюжий парень с дубинкой в руке, готовился прикрыть его от четырех человек, группой стоявших напротив. Все четверо были следователями Палаты пагубных учений: белые с черными лентами халаты означали Третий отдел, специалистов по ересям, к которым так и не примкнул покойный брат Кару. Каждый из них сжимал в руках посох, который, как я хорошо знал, разнимался на два меча. Но даже если все они владели оружием не хуже моего, их шансы выйти отсюда живыми были ничтожны.

Кивнув мне, как хорошему знакомому, священник негромко сказал:

13.

– Как видите, десятник, вашу утреннюю просьбу выполнить невозможно.

– И что вы собираетесь делать, святой отец?

– Да кто вы вообще такой? Я, как официальной представитель палаты пагубных...

– Помолчите немного, официально или неофициально, хорошо? Я из Тайного управления. Все происходящее здесь чертовски похоже на бунт, и если я не получу нормальных объяснений, то именно так я это и опишу в докладе начальству. Святой отец?

– Вы не в том положении, чтоб диктовать свои условия, сын мой. И не богохульствуйте. Я был бы рад обойтись без кровопролития. Но эти люди сами накликали свою судьбу. Час назад они ворвались в церковь и хотели изъять документы покойного брата Кару. Разумеется, я отказал им. К несчастью, наш спор слышали миряне, которые начали собираться к дневной службе, чтоб послушать брата. Эти несчастные даже не знают еще, что он мертв.

– Это ложь, у нас был прямой приказ экзарха!

– Молчать! Сейчас нужно думать не о приказе, а о том, как вытащить вас отсюда живьем мимо пяти тысяч скорбных дуралеев вокруг храма. Может быть у вас есть какие-то идеи?

– Нет, но...

– В таком случае заткнитесь и слушайте меня. И вы, святой отец. То что вы говорите — брехня. Я только что прошел через толпу, и я не слепой. Все они прекрасно знают о смерти брата Кару, и я даже знаю откуда они это знают — от вас.

– Вы не можете этого доказать.

– Я из Ту, а не из ведомства права и судей. Мне не нужно ничего доказывать. Вы виновны уже потому, что я так думаю. Вы это понимаете?

– Вы мне угрожаете?

– Почему бы нет?

– В вашем положении это смешно, господин Миту. Вокруг нас тысячи людей, которые знают и любят меня и моего покойного учителя, но видят вас в первый раз в жизни. Или вы думаете, что ваше появление что-то существенно меняет?

– Попробуйте позвать их, святой отец, и посмотрим, что произойдет быстрее: они прибегут сюда, или я застрелю вас из этого ручного арбалета. А теперь сядьте. И вы, господа, тоже. Дротики арба-

лета отравлены, и мне не хочется ни стрелять, ни повторять свои слова.

– Мы садимся, десятник, только не нервничайте.

– Нам не до нервов. Времени у нас очень мало. Святой отец, слушайте меня внимательно. Что вы собираетесь делать дальше, когда толпа расправится с нами?

– Надеюсь, что обойдется без этого, но в любом случае мы пойдем к дворцу экзарха и будем требовать выдачи тела брата Кару.

– А, что если Ведомство охраны традиций решит воспрепятствовать вам?

– В ВОТе работают лаврикианцы, они нас поймут.

– Едва ли они захотят ради вас расстаться со своими местами.

– Тогда нам придется обезоружить их.

– Вы хотите, чтоб завтра все эти люди, прихожане вашей церкви, оказались развешены вдоль тракта на Симми?

– Конечно, нет, но кто осмелится это сделать?

– Государь в своей милости. Вы что, не понимаете, что делаете? Это бунт. В вашем личном случае это измена и организация бунта, но дела это не ме-

няет. Ничего серьезнее казни с полным обритием для вас не придумают, а это будет гарантировано каждому человеку в этой толпе. Разве что ваших родных до третьего колена казнят вместе с вами, но вам будет уже все равно.

– Это невозможно.

– Это неизбежно, святой отец. Поверьте мне, я знаю, что говорю.

– Мы не восстаем против императора. Даже не против Совета девяти. Мы недовольны только действиями экзарха.

– Вам придется убить меня, святой отец. Убийства сотрудника ТУ во время бунта достаточно, чтоб вырезать клан брэ, а не то что толпу чинуш, слуг и мелких лавочников с дреколем.

– Чего вы хотите?

– Единственный способ спастись для вас самого и для ваших прихожан — остаться в этом квартале. Заставить их разойтись вы не сможете, но вы можете попытаться как-нибудь их успокоить. Вы меня понимаете? Действуйте живо, пока вы еще хоть сколько-то можете их остановить.

– Мне придется рассказать им правду.

– О чем?

– О том, что брат Кару мертв. Пока для боль-

шинства это слух, не более.

– Эта тайна протухла час назад. Говорите, что хотите, только идите уже — и не дайте им разнести все вокруг. Теперь ты. Причетник? Служка?

– Старший причетник, господин десятник.

– Рад за тебя. Скажи мне, парень, есть тут у вас какой-то черный ход или что-то в этом роде?

– Нет, господин десятник.

– Послушайте, десятник, почему мы не можем выйти так? Это миряне, а мы все-таки священники, хоть и из палаты. Неужели они не слушают нас?

– Вряд ли. Вряд ли они сейчас вообще кого-то слушают, так что у нас мало времени. Какие у вас тут окна в помещении? Мы сможем пролезть?

– Да, господин десятник, но там снаружи толпа. Они не пропустят вас.

– Значит придется их обмануть.

14.

Мой план был до обидного прост и строился на том, что в пристройке найдется пять одеяний монахов, священников, служек и прочей церковной братии. Нашлось три. Еще одно нам пришлось снять со старшего причетника, а мне осталось надеяться на то, что штатский халат не так бросается в глаза, как

форма ППУ. Я был зол, испуган, и это придавало мне сил.

Собрав необходимые бумаги — черта с два они достанутся экзарху — в большую коробку, я накрыл ее какой-то деталью парадного облачения, рассчитав, что вряд ли кто-то из толпы видел такие облачения вблизи. Со стороны, как мне казалось, оно вполне выглядело как какое-то ритуальное покрывало. Подойдя к ближайшему окну я по пояс высунулся наружу, нависнув над каким-то семейством худдов. Выбрав отца, я обратился прямо к нему, игнорируя вопросы окружающих:

— Эй, почтенный. Тут документы для супруги брата Кару нужно вытащить, отвезти к ним домой. Очень важные. А в дверях сами видите, какая толпа. Не подсобите?

Как я и ожидал, он согласно кивнул, и через минуту я уже спустился вниз, чтоб мотивировано принять из рук церковного следователя ящик с документами. Дав подержать ящик старику, я помог вылезти поочередно всем четверым.

Самым сложным было убедить их оставить в храме мечи. Как и всякий человек, привыкший никогда не расставаться с оружием (я сам из их числа) они ощущали себя в безопасности только с мечами

в руках. Но мечи-посохи следователей выдали бы их с головой. Ради примера мне тоже пришлось оставить в комнате свой клинок, хотя я-то как раз мог спрятать его под одеждой за спиной.

Спустившись, они окружили меня и ящик в моих руках и крича на четыре голоса «срочные бумаги для семьи Кару» довольно ловко очистили мне дорогу. Толпа по мере сил расступалась.

Я увел их в ближайший известный мне переулок, из которого дворами мы вышли на параллельную улицу. Мне казалось, что по моим ребрам прошел полк брэ, а руки тряслись от напряжения. Вероятно от него же я просто наорал на церковников, когда они захотели забрать у меня ящик с документами. К счастью, они были слишком напуганы и обессилены сами, чтоб спорить со мной всерьез.

Мне нужно было прилечь хотя бы на пару часов или выпить чего-нибудь бодрящего, но времени не было ни на то, ни на другое. Времени не было вообще ни на что, но я все же зашел в свой кабинет в управлении прежде, чем отправиться к шефу.

15.

- Приятного аппетита.
- Миту? Садись. С чем пожаловал?

– Рассиживаться времени нет. На Морской волнения. Так что для начала распорядитесь, чтоб туда выслали десять-двенадцать команд ВОТа с арбалетами.

– Сколько?

– Десять-двенадцать, шеф. Там не меньше пяти тысяч человек. Стоит, я думаю, усилить вотовцев нашими людьми. Это первое.

– А есть и второе?

– Священник этой церкви номер два. Его нужно брать. Сейчас это невозможно, но вечером он нужен будет мне здесь.

– Ордер на священника? Думай, что просишь.

– Не на священника, а на потенциального организатора городского бунта.

– Даже так?

– Я еще мягко формулирую. Но это еще не все.

– Ты сегодня в ударе.

– Это эйфория после чудесного спасения. У меня в кабинете сейчас лежат документы покойного брата Кару. Взял я их без ордера, потому что, во-первых, мне было не до ордера, а во-вторых, их собиралась изъять Палата пагубных учений.

– По чьему приказу?

– Они сказали, что экзарха. Вероятно, так и

есть. Словом примените ваши способности к убеждению и донесите, пожалуйста, до экзарха, что делом занимаемся мы.

– Может быть чаю?

– Спасибо, нет. А вот тело понадобится.

– Брата Кару?

– Да. Тело придется отдать. Экспертам придется работать быстрее.

– Их эта новость не порадует. Ты ожидаешь серьезного конфликта?

– Если тело не передадут к завтрашнему утру — да.

– Час от часу. Это, я надеюсь, все? Или тебе нужна аудиенция у государя?

– Пока нет.

16.

Поразмыслив, я решил ничего не говорить шефу о записке. Уже выйдя из кабинета я засомневался, взял ли я верный тон: дилемма ясная, вероятно, только худду. Не слишком ли ухарски я себя вел? Вообще я примерно так обычно с ним и разговариваю, а на его комментарии большого внимания можно не обращать до тех пор, пока он шутит. Но в этот раз что-то в разговоре меня смутило.

Отложив эти мысли на потом, я вернулся в кабинет. По большому счету стоило бы поехать к родным покойного, но я хотел сначала разобраться с документами. Кроме того это был предлог, чтоб отложить встречу со вдовой: нет ничего хуже в моей работе, чем встречи со вдовами — не умею разговаривать с рыдающими женщинами. Возможно дело в том, что сам я не женат.

Через полчаса я уже понимал, что документы Кару делятся на три части: его биографические записки, черновики писем и деловые документы. Первые две части были мне совершенно не интересны. Автобиография явно была написана в официальном духе и, вероятно, могла быть полезна для верующего или историка, но не для меня. Письма, которые покойный писал в огромных количествах, тоже не были деловой перепиской. В основном он благословлял тех или иных своих знакомых (или незнакомых) на богоугодные дела. Будь Кару иерархом синдиката «Медная рука», я ринулся бы искать в них скрытый шифр. Но едва ли через эти письма действительно передавалось что-то важное.

Отложив все это в сторону, я занялся деловыми заметками. Все они были собраны в двух небольших записных книжках. К сожалению, брат Кару

совершенно не владел навыками бухгалтерской записи и все данные были просто свалены в кучу — безо всякого порядка и логики кроме, может быть, хронологической. Хуже того, проповедник, отличавшийся по-видимому, великолепной памятью, обозначал своих знакомых отдельными иероглифами, лишь в редких случаях являвшихся именами. Это были прозвища, кодовые обозначения. Самое досадное заключалось в том, что священник едва ли хотел скрыть от кого-то информацию: ему просто было так удобней. Худший вид шифра — шифр понятный одному единственному человеку, его автору, так как он может быть построен на его личных ассоциациях.

К счастью, финансовые дела общины интересовали меня не в первую очередь. Скорее всего бухгалтерские книги «Друзей» — а организация с таким годовым оборотом без финансовых документов обойтись не может — хранились у госпожи Юки или кого-то из ее помощников. Сам брат Кару, если и был в курсе их махинаций, лично ими не занимался.

В первую же очередь меня интересовали две встречи. Первая, разумеется, та, на которую проповедник пошел вчера вечером, и с которой не вернулся. Вторая — та, на которую он должен был пойти

сегодня утром. Я был не столь наивен, чтоб верить в домыслы второго священника храма на Морской о встрече с Господом. Насколько мне известно, даром предсказания будущего обладают лока, но никак не худды. Безусловно Пророк так же мог знать предстоящие события и добровольно принял смерть от ножа убийцы. Но, во-первых, брат Кару все же был не Пророк, а во-вторых мне, сотруднику ТУ со стажем, и обстоятельства смерти Пророка не кажутся такими уж ясными.

Утренняя встреча, по-видимому, должна была быть очень важной. Ради нее Кару готов был пропустить даже утреннюю проповедь — при его-то жестком графике. Ее же, вероятно, он хотел обсудить на обеде со своим помощником. Вернее не ее, а ее результаты.

Какая встреча могла оказаться достаточно значимой для этого? С церковным начальством. С богатым — очень богатым, необычно богатым жертвователем. С кем-то очень влиятельным. В положении брата Кару очень влиятельный значит не меньше, чем глава какого-то ведомства, а может и кто-то из августейшей фамилии. За вариант последнего, влиятельного лица, говорила и вероятность опоздания на утреннюю службу. Богатый

жертвователю сам хочет пожертвовать деньги, а значит скорее всего религиозен или по крайней мере с почтением относится к вопросам веры. Он не назначил бы встречу на время утренней службы.

То же касается, кстати, и членов императорского рода: как бы то ни было, они худды и лаврикианцы, а значит с утра сами должны посещать службу в каком-то из храмов Закрытого города.

Здесь же нужен кто-то, чье время расписано по минутам, но кто при этом может не присутствовать на лаврикианской утренней службе. Хотя большая часть глав ведомств и их заместителей — худды и, конечно, люди верующие, в чиновном круге к религии относятся спокойней. Я и сам тому пример.

Тем не менее круг тех людей, с которыми мог встречаться покойник оставался очень большим. Встреча скорее всего должна была пройти неформально, а значит мне пришлось бы проверять лично каждого столичного крупного чиновника. Ни времени, ни возможности это сделать у меня не было.

Единственный документ, который мог облегчить мою работу, был черновик списка приглашенных на открытие новой школы для бедноты. Назначено оно было через два месяца: очевидно это была та самая

школа, которую упоминал младший священник. Да и сам брат Кару тоже, вспомнил я. Он говорил, что едет встречаться с жертвователем на эту школу вечером перед смертью. Но я знал, что это не так. Если гегра-агроном не ошибся, а в ошибку эмпата-джаух я не верил, встречавшиеся были недовольны друг другом. Встреча с жертвователем не должна проходить так. Напротив, оба участника должны были быть довольны и ситуацией, и друг другом. Один счастлив способствовать своему следующему удачному перерождению и готов ради этого развязать мошну. Другой беседует с собратом по вере и принимает щедрый дар на богоугодное дело. С чего бы им быть недовольными друг другом? Ясно, что брат Кару — скажем деликатно — ввел своего помощника в заблуждение. И либо его встреча вечером вовсе не касалась пожертвований, либо с ними что-то было очень не чисто. Но очевидно, что помощник спросил бы проповедника об успехе встречи на следующий день за обедом. Не мог не спросить — в их-то критическом положении со школой.

Что, пришло в голову мне, если встреча с жертвователем действительно должна была произойти — только не вечером, а утром? Если утром Кару все же

должен был встретиться с тем, кто мог передать ему большую денежную сумму, но при этом хотел сделать это непублично? Высшие чиновники империи исключаются. Они-то передали бы деньги при большом стечении народа, а желательно и корреспондентов. Зачем им скрывать свою щедрость, столь красящую Благородного мужа?

А тут был кто-то, кто готов был дать деньги в тайне, но был при этом ограничен во времени. Более того. Насколько я понял из слов младшего священника, проблема с подрядчиком возникла недавно, а приглашения на открытие школы, судя по бумагам, были уже отосланы. Среди прочих приглашенных значились не только супруги крупнейших чиновников империи, но и — ни много, ни мало — принц Плам. Переносить дату открытия в таких условиях было невозможно. Значит деньги были нужны брату Кару очень, очень срочно. Значительные деньги в такие сроки он мог добыть только у кого-то из синдикатов. Это объясняло и секретность встречи, и ее время (кафа нечего делать на службе), и жесткий график потенциального кредитора. Но эти деньги нужно было бы отдать любой ценой.

17.

Дело шло к вечеру, и я понял, что если сегодня я хочу попасть и к госпоже Юки, и к вдове покойного, то ехать надо сейчас. Я выбрал бы первую, но понял, что нельзя все время бежать от неизбежного и велел извозчику вести меня ко второй, в дом покойного. Помимо прочего, дом был недалеко от Морской улицы, и я хотел после разговора зайти в храм, чтоб лично проконтролировать результаты волнений и задержание священника. Прикинув, что на разговоры в доме проповедника у меня вряд ли уйдет больше часа, я велел арест-команде выехать позже меня и сразу в храм.

К моему удивлению, дом принадлежал отцу Кару не весь. В хорошем двухэтажном здании, которое при его доходах можно было, конечно, купить целиком, ему принадлежала пусть и большая, но отдельная квартира на втором этаже — как я прикинул, комнат в шесть. Не так много, меньше, чем у крупных чиновников или, тем более, успешных купцов.

Сейчас ко входу в дом попасть было невозможно: все вокруг него было завалено цветами, бумажными деньгами, дешевыми веерами и прочими обычными приношениями к дому покойного. Среди прочего я заметил довольно дорогие подарки и подивился

было, как их до сих пор не украли — но вскоре заметил пару крепких ребят, карауливших все это и отвечавших всем желающим, что «госпожа слишком опечалена и никого не принимает». Мне, по понятным причинам, отказать они не смогли и указали, где находится черный ход.

В дверях меня остановил слуга-гегра, толстенный бийю с мрачным лицом. Убедить его пропустить меня внутрь оказалось гораздо сложнее. Он не только отказывался известить обо мне свою госпожу, но даже — случай не частый в моей практике — потребовал у меня ордер, так что мне пришлось объяснять ему, чем опрос отличается от допроса, а права Тайного управления от прав Ведомства охраны традиций. Наконец, сломленный моим упорством, он ушел куда-то вглубь комнат, а я остался в гостиной. В доме было пусто, кроме хозяйки и этого слуги в основной части квартиры никого не было, а в прихожей парадного входа теснились какие-то люди. Краем уха я услышал голоса худдов и гегра и снова потрясся тому, как много худдов я встретил за один день. Большинство моих клиентов — кафа и катарир, реже встречаются фели и брэ. Худды не так часто совершают преступления, а если уж совершают, то как правило они попадают в

сферу внимания ВОТа или отдела злоупотреблений, а не отдела расследований, в котором я работаю. Сейчас же худды были и моими свидетелями, и моими подозреваемыми.

Пока слуги не было, я решил хотя бы поверхностно осмотреть комнаты рядом. Одна из них явно была кабинетом хозяина. Пользуясь тем, что ключ торчал в двери, я быстро вошел. Большую часть помещения занимали книжные полки — они шли вдоль трех стен, а в одном месте еще и отходили от стены, создавая небольшую внутреннюю перегородку. Думаю, тут было не меньше пары тысяч томов. Преимущественно религиозных и исторических, хотя заметил я и кое-какую классику. Надо сказать, специфика моей работы такова, что видя большую библиотеку я чувствую скорее досаду, нежели восхищение: каждая книга — потенциальный тайник для документов, а чтоб тщательно просмотреть каждую из них здесь мне понадобилось бы много часов.

У окна стоял стол и массивное кресло, еще одно такое же стояло напротив, спинкой ко мне. Я оглянулся. В гостиной пока никого не было, и я решил рискнуть. Подойдя к столу, я подергал ящики. Как я и ожидал, они были заперты. Замки были простыми,

но на столе не лежало ничего, что сгодилось бы в качестве отмычки. Там вообще не было ничего, кроме Писания, набора для каллиграфии и бумаги. Именно бумага и привлекла мое внимание: она здорово напоминала ту, на которой была написана давешняя записка. Быстро схватив один листок, я свернул и убрал его к себе. И вовремя: вдалеке уже слышались шаги, так что выскочить из кабинета и закрыть дверь я успел в последний момент, а запереть ее мне уже не удалось. Бийю вошел в гостиную и попросил меня следовать за ним. Смотрел он на меня при этом очень угрюмо, так что я задумался, не заметил ли он конец моей эскапады.

18.

– Сударыня, от своего имени, и от имени всего моего управления я приношу вам самые глубокие соболезнования. Смерть вашего супруга — большая потеря и для дома Худдов, и для общества вообще.

– Я благодарю вас, офицер, за эти слова. Вы были другом моего покойного мужа?

– К сожалению, я не был ему представлен. Но следил за его деятельностью с большой симпатии. Отрадно видеть кого-то, столь близко к сердцу воспринимающего беды других.

– Других? Да, вы правы. Мой муж был великим благотворителем. Он никого не оставлял своей заботой. Может быть я могу предложить вам чая?

– Я с огромным удовольствием согласился бы, сударыня, но к сожалению дела не позволяют мне надолго остаться в вашем обществе. Мой печальный долг — задать вам несколько вопросов. Они не вернут вашего мужа, но помогут восстановить справедливость.

– Я все понимаю. Что вы должны узнать?

– Прежде всего: не было ли у вашего мужа недоброжелателей? Вам, как никому иному, это должно быть известно.

– Недоброжелателей? Конечно, они были. Их было много, в том числе и людей очень влиятельных. Но не думаю, что кто-то из них мог бы... мог бы...

– Я понял вас. Тогда другой вопрос, хорошо? Не заезжал ли ваш супруг сюда вчера вечером?

– Откуда вы знаете?

– Это моя работа, сударыня. И все же расскажите.

– Он правда заезжал сюда вчера вечером. Я этого не видела, я рано легла. Но с утра, когда я проснулась и не обнаружила его дома, я заволнова-

лась и зашла к нему в спальню. Там были видны следы спешного переодевания.

– Что именно надел отец Тино?

– Не могу сказать вам точно. У него довольно много халатов. Если это необходимо, я могу пересчитать их все.

– Нет, в этом нет нужды. Скажите, ваш супруг часто ходил в светской одежде?

– Нет. Нет, не припомню. Очень редко. Может быть дома, да и то нечасто. А почему вы спросили?

– Сударыня, постарайтесь, пожалуйста, вспомнить: не был ли ваш муж чем-то взволнован в последнее время?

– Пожалуй, был. Он часто раздражался в последние дни, а в другие, напротив, был особенно ласков, больше, чем обычно. Я списала это на его неудачи с новой школой.

– Расскажите об этом подробней.

– Это должна была быть новая школа для бедноты. Муж очень хотел открыть ее как можно скорей, но возникли какие-то проблемы со строителями. Я не знаю подробностей, он не рассказывал мне. Видимо, они затребовали гораздо больше денег, чем по начальной договоренности.

– Отец Тино сильно из-за этого переживал?

– Да, достаточно. Но, как мне сейчас кажется, не только из-за этого.

– Что же еще было причиной?

– Не знаю, офицер. Кару был очень закрытым человеком, он редко делился со мной своими проблемами. Может быть, он не хотел огорчать меня, не знаю.

– Не говорил ли, что в скором времени все эти проблемы решатся?

– Нет, так не говорил, но в последние пару дней настроение у него стало лучше, как мне кажется. Я не могу говорить уверенно. Я так мало видела его. Так мало.

– Не убивайтесь так, сударыня. Все мы уделяем слишком мало времени своим близким, пока можем — а когда опомнимся, уже поздно. Такова человеческая или, во всяком случае, худдская природа.

– Нет, нет, вы не понимаете! Я действительно мало видела его. Он уходил ранним утром, а приходил поздним вечером, и большую часть ночи работал. Я не должна была даже заходить в его кабинет. Его служба поглотила его целиком, ни для меня, ни для нашего сына в нем не осталось места. Вы спрашиваете: что он вам говорил, когда он вам говорил, но вам даже не приходит в голову, что за

последние пару недель мы говорили только пару раз и на совершенно неважные темы. Вы говорите, что ему было дело до других — да, это так, до других ему было дело. До кого угодно, только не до нас. Что вы хотите узнать у меня? Я ничего о нем не знаю. Его помощник знает о нем больше, наш дворецкий, госпожа Юки, любой из его прихожан! Но не я. Что, что я должна вам сказать?

— Возьмите платок, сударыня. И простите, что я вынужден был вас побеспокоить в этот час. Не буду больше донимать вас своими расспросами. Нет, нет. Оставьте платок себе. Простите и еще раз мои соболезнования.

19.

Пятясь и кланяясь, как на аудиенции в тронном зале, я вышел из комнаты. Конечно, я чувствовал себя полным идиотом. Полезной информации я узнал не много, да к тому же расстроил это немолодую и не слишком красивую женщину, которой и так сейчас было несладко.

Возможно, был смысл зайти к ней еще раз позже, но мне показалось, что она действительно не знает или ничего, или почти ничего. Куда больше мне, вероятно, мог помочь сын покойного. Я спросил о нем

у гегра-дворецкого, но тот с прежней неприветливостью ответил мне, что сына сейчас дома нет и вообще нет в столице: он кавалерист и вместе со всей своей частью командирован на Южный фронт.

Возвращаться назад к госпоже Тино и просить разрешения на вскрытие ящиков стола я не стал. Во-первых, скорее всего у нее все равно не ключа. Во-вторых, к завтрашнему утру будет готов ордер на обыск кабинета, и можно будет спокойно осмотреть все, что захочется. В третьих, мне не хотелось вновь досаждать ей своей толстокожестью.

Попрощавшись с гегра, я вышел так же как вошел — через черный ход. В церковь я успевал без труда, но по привычке решил срезать путь дворами: вдруг и арест-команда приехала бы чуть раньше?

Хорошее знание городских переулков и проходов много раз выручало меня в моей жизни, но в этот раз подвело. Когда я понял, что остался совершенно один в пустом проходном дворе, а оба выхода из него перекрыты, было уже поздно.

Оба они, как ни странно — совсем не странно, тут же сообразил я, — были худдами. Один довольно крупный, крепкий, с фигурой борца. Второй поменьше, но с мечом. Владел им он посредственно, и в полной уверенности, что пройду их без проблем, я

потянулся за своим клинком — чтобы наткнуться на пустоту и сообразить, что меч так и лежит в пристройке храма на Морской. Из оружия у меня остался ручной арбалет, но заряжать его было уже некогда.

Я огляделся. Двор окружали двухэтажные дома, забраться на которые быстро мне вряд ли бы удалось. У одного из них, правда, во двор выходил черный ход — но был заперт на висячий замок. Это то же не стало бы проблемой, если бы не худды, стремительно шедшие ко мне. Взломать замок, попутно отбиваясь от двух головорезов — такое сотрудники ТУ проделывают разве что в дешевых романах.

Тот из них, который был покрупней, между тем заговорил. Речь его были не слишком разборчива (а может в ушах у меня шумело, как почти всегда во время драки), но сказал он примерно следующее: «Тебя что, не предупредили? Тебе сказали, не лезь в это дело? Говорили тебе?»

Строго говоря, мне об этом только писали, но дела это не меняло. Оба они явно нацелились если не убить меня (для этого, надеюсь, даже они были недостаточно глупы), то по меньшей мере отправить в больницу с переломами и ранениями. На меня иг-

рало пока только то, что они явно не понимали до конца, с кем имеют дело. Хотя рукопашный бой никогда не давался мне блестяще, все же я понимал в нем больше, чем они оба. А потому здоровяк беспокоил меня не слишком сильно, в отличие от своего приятеля с мечом. То, как он держал оружие, сама манера двигаться и его выправка подсказывали мне, что этот человек либо служил в ВОТе, либо служит в нем до сих пор, хотя и одет не по форме.

На всякий случай напомнив им, что нападение на офицера Тайного управления карается каторгой, а его же убийство — смертной казнью (эффект был нулевой), я решил не тянуть время, рванул из-за ворот халата ручной арбалетик и направил его на худда с мечом, бросаясь при этом одновременно на его напарника.

Мой расчет оправдался, но в меньшей мере, нежели я надеялся. Как я и ожидал, мечник увидел арбалет, но не различил, есть ли на нем дротик. А поскольку он отлично знал, что ручные арбалеты заряжаются ядовитыми стрелками (иначе от дротика и прока нет — серьезную рану он наносит только при очень метком выстреле), то предпочел рухнуть на землю, уходя от верной смерти. Таким образом у меня образовался крошечный, но все же выигрыш

во времени.

Проблема же заключалась в том, что здоровяк успел закрыться от моего удара в горло, и мне пришлось драться с ним всерьез. Он был сильнее меня, но я был ловчей — и имей я время, исход боя был бы предрешен. Но времени у меня не было — второй убийца уже вставал, так что я предпочел поступить разумно: сцепившись с противником, я сумел развернуть его, а потом оторвавшись бросился к ближайшему выходу со двора. Ради этого мне пришлось пропустить мощный удар в бок, так что бежал я не слишком-то хорошо и (как выяснилось в последствии справедливо) опасался перелома ребра.

Они оба бежали за мной. Сейчас я мог бы зарядить арбалетик — на бегу делать это неудобно, но технически возможно. Останавливало меня нежелание их убивать. Куда полезней они будут как свидетели. Взять их сейчас я не смог бы при всем желании, но сделать это можно было и позже, тем более что мои подозрения об авторе записки перешли в почти полную уверенность: чтоб выследить меня в этом дворе нужно было идти за мной от дома проповедника и хорошо знать район.

Кроме всего прочего, я должен был торопиться —

арест священника не начался бы без меня, а тянуть с ним тоже не стоило. Поэтому выскочив на улицу я поймал первого же извозчика и потребовал вести меня на Морскую. Мои преследователи отстали от меня, как только поняли, что шансов нагнать меня в безлюдном переулке у них нет.

20.

Идея арестовывать священника в его собственной церкви не казалась мне мудрой. Сегодня днем я уже понял, на что способна местная община, и меньше всего мне хотелось раздражать ее лишней раз. Между тем, как я и ожидал, после дневной службы некоторые прихожане разошлись — но многие остались. Вероятней всего они ожидали выдачи им тела проповедника. Люди толпились на площади, раскупая месячные запасы уличных торговцев, и обсуждали что-то свое. Многие молились.

Идти к ним пятеркой арест-команды было совершенно неосмысленно — но в общем я сумел придумать план. Более того, план этот именно в своей простоте казался неплохим. Я выслал священнику письмо с просьбой встретиться со мной неофициально в баре на углу Морской и улицы генерала Тара, примерно в 10 минутах ходьбы от церкви.

В качестве предлога я выставил необходимость обсуждения акта сдачи-приема тела покойного и его вещей, а заодно просил принести мой оставшийся в церкви меч. Разумеется, ни до какого бара священник дойти не должен был: по дороге мои люди аккуратно упаковали бы его в подготовленную закрытую повозку и отвезли в ТУ.

Существовала вероятность, что священник не захочет выходить из церкви, но, во-первых, она казалась мне маловероятной — приманка в виде тела была слишком заманчива, а во-вторых, на такой случай я имел пару дополнительных заготовок.

Опасения, однако, были напрасными, и в положенный час священник, как мы и условились, совершенно один, покинул здание храма. Меч он нес с собой, замотав в какую-то ткань и взяв подмышку.

Однако никакой план не совершенен, и в этот не был исключением. В тот самый момент, когда я уже собирался подавать моим людям условный знак, когда они уже стали на условленные позиции, священник вдруг остановился. Сперва я подумал, что он заметил засаду, но это, конечно, было совершенно исключено. Остановился он потому, что из проезжавшей мимо совершенно неизвестной

мне повозки кто-то с ним заговорил. И прежде, чем я успел сообразить, что происходит и, тем более, дать моим ошарашенным подчиненным какой-то внятный приказ, наш объект легко вскочил в повозку, а невидимый мне кучер хлестнул лошадей. Я наконец сориентировался и взмахом руки погнал арест-команду за повозкой, но не тут-то было. Лошади, впряженные в повозку, оказались неожиданно резвыми и легко оторвались от моих пеших помощников, а пока с нашим кучером разворачивали нашу карету, священник и его помощник или похититель были уже далеко. Мой меч, разумеется, уехал вместе с ними. Все, что мне оставалось, запомнить повозку получше. Номера на ней не было, а значит она принадлежала частному лицу.

Что все это должно было значить, я не понимал совершенно. Конечно, нельзя было исключать, что это профессиональное похищение. Но против этого свидетельствовал разговор священника с кучером или кем-то внутри повозки. Ради кого он готов был сорвать нашу с ним встречу? Если бы он догадывался, что встреча — не более чем приманка, он не стал бы покидать церковь вовсе или, покинув ее, отправился куда-то в другое место. Между тем он шел именно к бару. А если так, то зачем бы ему было

уезжать?

Самым простым объяснением этому мне показался приказ вышестоящего начальства. В повозке мог сидеть кто-то от экзарха, и приказ главы всей церковной системы столицы, конечно, был бы для священника более весом, чем договоренность со мной. Несмотря даже на его неприязнь к экзарху и его палате.

В то же время меня беспокоило нападение. К этому моменту я был фактически уверен, что за ним стоял дворецкий в доме проповедника. У него был доступ к бумаге. Писать он, конечно, умел — в обязанности дворецкого входит много мелких расчетов с торговцами и прочее домашнее хозяйства. В городе все это требует умения читать и писать. То, что он делал это плохо, тоже не удивляло — откуда бы ему владеть тонкостями каллиграфии? Кроме того именно ему легче всего было послать за мной дворами преследователей. Разумеется, я не мог исключать, что за дворецким стоит еще кто-то. Но в любом случае выяснить это можно было только задержав его и как следует допросив.

Отправив арест-команду назад в управление я передал с ними накиданный тут же на месте запрос в ППУ о пропаже священника и насчет ордера на за-

держание гегра. Велик был соблазн поехать с ними и зайти к нормальному врачу, но сегодня вечером у меня должно было состояться еще по меньшей мере две важных встречи. И обе они стали тем важней, что священника со всей его информацией я потерял.

Не буду скрывать, что я был вне себя. Мне не часто случалось так досадно терять важного свидетеля. Самым же досадным было, что стащил его у меня из под носа не синдикат, не профессионалы, не конкурирующая служба, наконец, а неизвестно кто.

После всего этого от следующей встречи, которая в действительности должна была состояться в том баре, куда мы якобы заманивали священника, я многого не ждал.

21.

- Я вижу вы грустите, начальник?
- Ты один из немногих людей, кто может подкрасться ко мне незамеченным. Тебя это не пугает?
- Не слишком.
- Я так и думал. Что ты будешь пить?
- То же, что позволит вам ваш отбитый бок. Кто это вас так?
- Ты будешь смеяться, но один верующий. Лад-

но, шутки в сторону. Мне нужно добыть одни сведения. Возможно, ты обладаешь ими и так, возможно нет. В любом случае они мне нужны.

– Звучит многообещающе. И чем маленький каба может помочь всесильному управлению?

– Ты хочешь спросить — за какую сумму маленький каба может помочь управлению?

– Примерно так.

– Зависит от скорости. Но вот задаток.

– Не буду скрывать, что задаток хорош. Видно информация горяча?

– Ты слышал про брата Кару?

– Лаврикианский святоша.

– Больше, чем я думал. Я предполагаю, что он хотел неофициально одолжить очень крупную сумму.

– Насколько крупную?

– Думаю, речь идет о нескольких десятках тысяч.

– Насколько быстро?

– В течении нескольких дней.

– Вариантов немного. МТК отлучена от церкви. Значит, либо Третий синдикат, либо Бамбуковая джонка.

– Это я понимаю и сам. Мне нужно знать точно:

у кого, когда, сколько.

- Задача не из простых.
- Ты сам сказал, что задаток был хорош. Получишь столько же, если информация будет у меня к утру. И вот еще что.
- Вы сегодня в ударе.
- Ты не первый мне это говоришь. Мне нужна информация о Тино-ка-Иру.
- Это еще кто?
- Сын святоши. Мне сказали, что парень на Южном фронте, но есть основания этим сведениям не доверять.
- Парень отдельной ценой.
- Работай. За мной не заржавеет.

22.

Это был маленький, верткий даже для кафа, паренек. Я платил ему больше, чем кому бы то ни было из своих осведомителей, и плачу до сих пор — по этой же причине я не могу назвать здесь его имя. Главная проблема таких агентов в их «конечности»: он добывал мне информацию о людях, про которых лучше вообще ничего не знать, и в любой момент это могло стоить ему жизни.

Хотя разговор наш вышел очень коротким, я все

же был доволен. Бывали случаи, когда этот человек просто отказывался искать информацию, ценя собственную шкуру выше золота. Не мне его винить. Но раз уж он взялся найти сведения, то найдет их — и непременно в срок. Не представляю сам, как он собирался уложиться со всеми этими делами за ночь, да еще потратив не слишком много переданных мной денег.

Приободренный этим разговором я решил, что все же смогу съездить сегодня и к госпоже Юки. Бок у меня болел немилосердно, я ужасно устал, но мне не хотелось откладывать визит к ней на следующий день. Чем быстрее я приеду к ней, тем больше будет шанс взять ее тепленькой — так, примерно, я рассуждал. Кроме того у меня была смутная надежда, что в доме пожилой дамы-худда мне ничего особенно не угрожает.

Через час, оставив кучера чуть в отдалении, я пешком подходил к ее дому. В отличие от брата Кару госпожа Юки владела небольшим, но особняком в очень хорошем районе, недалеко от престижной Зеленой набережной. Только содержание такого здания в год стоило не меньше пары тысяч фанов. С большим неудовольствием заметил я и охрану. По меньшей мере один брэ, бродящий

туда-сюда по саду мне был виден отчетливо. Даже если бы он не оказался мастером меча, мне, со сломанным ребром и без оружия ловить в бою с ним было нечего.

Судя по досье — весьма скудному, так как Юки никогда не попадала во внимание ТУ — муж оставил ее вдовой тридцать лет назад. В наследство после него она получила только двух дочерей на выданье и сбережения, которых не хватило бы и на одно приданное.

В некотором смысле я ей восхищался. Я вообще уважаю людей, умеющих добиться своих целей. Сейчас Юки не только выдала замуж обеих дочек и купила себе роскошный дом. Она возглавляла целую организацию с серьезным годовым оборотом. Конечно, существование всего этого благотворительного мошенничества было возможно до тех пор, пока им серьезно не занялись синдикаты или власти — в моем, например, лице. Но даже сейчас доказать факт кражи денег будет очень непросто, так что в худшем случае ей придется прекратить деятельность «Друзей», оставшись при этом при всех своих сбережениях. Синдикатам же мертвое общество ни к чему, так что на месте госпожи Юки я бы сильно не волновался.

Оставалось убедиться в этом. Зарядив на всякий случай свой арбалетик, я постучался в дверь сада.

Открывший мне брэ превзошел все мои ожидания: пожалуй даже в лучшей форме я не захотел бы с ним поссориться. Глядя на меня без большой приветливости он поинтересовался, что именно мне угодно. Услышав имя хозяйки, он немного отошел и велел — именно велел, а не пригласил — мне посидеть в садовой беседке. По беседке можно было примерно воссоздать дом. Одну только стоящую в углу вазу времен Варсидов я оценил не меньше, чем в восемь сотен фанов. Человек, выставяющий такие вещи на общее обозрение в садовых беседках либо начисто лишен чувства самосохранения, либо имеет веские причины ничего не бояться. Причин этих я совершенно не понимал, а потому сильно забеспокоился. Это однако не шло ни в какой сравнение с моим беспокойством в тот миг, когда я увидел саму госпожу Юки — немолодую худдскую даму самой изысканной внешности. Именно она выходила сегодня из храма на Морской, любезно дав мне возможность в него попасть. Толпа расступалась перед ней. А значит прихожане ее знали в лицо. Так это быть могло только в одном случае — она была не тайным правителем «Друзей», как я

думал до сих пор. Напротив, она была известна всем и каждому, и за ее спиной стояли сотни, а то и тысячи верующих.

23.

- Добрый вечер, офицер.
- Сударыня.
- Садитесь. Долгого разговора у нас не будет, но я никогда не заставляю гостей стоять.
- Благодарю вас. Вы, видимо, уже знаете, что я — Миту-ка-Оро, десятник Тайного управления. Рискну даже предположить, что вы знаете это от младшего священника храма на Морской.
- Да, это так. Я слышала, что бедняга пропал.
- В самом деле?
- Не играйте со мной, Миту. Что вам нужно?
- Прежде всего — все, что вы знаете о деловых переговорах брата Кару за последние дни.
- А что, если я откажусь отвечать?
- А что, если я запрошу ордер на ваш арест? Вы находитесь под подозрением.
- Не смешите меня, мой мальчик. Как вы собираетесь доказать, что я убила своего доброго друга? Не говоря уже о том, что сегодня ночью я не покидала дома, что подтвердит любой из моих слуг.

– Ваше положение, госпожа Юки, куда более шатко, чем вам кажется. Наш отдел финансовых преступлений...

– Не говорите ерунды, друг мой. Никто не тронет меня, это совершенно невозможно.

– Для меня это не очевидно.

– В таком случае вы ничего не поняли в том, что происходит. Не меня вы должны ловить. Я не убивала брата Кару, напротив, я сильно огорчена его смертью. Что бы вы ни думали, мы были друзьями.

– Может быть, тогда вы знаете, кто его убил?

– Конечно же, нет. Но я предполагаю. Все святые умирают по одной причине, десятник.

– И по какой?

– Они умирают из-за того, что в действительности они не святые.

– У кого он брал в долг?

– Ни у кого. Возможно он хотел это сделать, может быть даже планировал. Но он не брал в долг. Это неправильный путь.

– А какой же правильный?

– Я уже сказала вам, десятник. Я не знаю. Если бы я знала, кто убил моего друга, поверьте, ВОТ уже арестовал бы этого человека.

- Вы знаете больше, чем говорите.
- Даже если и так?
- Говорите правду.
- Наша беседа затянулась. Я не советую вам приходить сюда еще раз, друг мой.
- А что, если я сейчас не уйду?
- Мой сторож выведет вас.
- И вы не побоитесь выкинуть на улицу офицера ТУ?
- Знаете, наверное, нет.

24.

Я был ошарашен этим разговором. В своей жизни мне приходилось сталкиваться с сопротивлением ТУ, но как правило оно было вооруженным. Даже для самых тупых бойцов синдикатов ясна идея, что если уж ты собрался всерьез спорить с офицером Управления, лучше сразу его убить.

Многие люди не понимают до конца степени влияния моей организации, считая нас чем-то вроде улучшенной (или ухудшенной) версии ВОТа. Это совершенно не так. Мы не занимаемся мелкими делами, а уровень ответственности каждого нашего сотрудника превосходит все мыслимое в ВОТе. Формально я не имею права убивать и аресто-

вывать без ордера. Фактически, если я это сделаю, ордер в большинстве случаев выпишут мне задним числом.

Именно поэтому дискуссии с моими коллегами — вещь чрезвычайно редкая. А уж случаи, когда офицера просто выставляют из дома, можно пересчитать по пальцам одной руки. Со мной, во всяком случае, это случалось впервые.

Расследование, начинавшееся довольно неплохо, к концу дня уперлось в тупик. Сначала мне сломали ребро, потом выхватили прямо из под носа ключевого свидетеля, а в качестве довеска другой ключевой свидетель потерял всякую связь с реальностью и фактически мне угрожал. К профиту можно было отнести разве что пару отсеченных версий да еще то, что я все-таки знал, кто именно за мной гоняется. Во всяком случае одно из звеньев этой цепи было у меня в руках.

Госпожа Юки тоже не должна была стать серьезной проблемой. Уже добравшись до управления (несмотря на поздний час там во всю шла работа), я быстро накидал в дополнение к уже написанным запрос о ее задержании. Учитывая, что она и так была под серьезным подозрением отдела финансовых преступлений, проблем с этим быть не

должно было.

Головоломка решительно не желала складываться. Я не мог понять главного: кому выгодно было убить брата Кару. Еще с утра у меня были версии на этот счет: члены семьи, религиозные фанатики, конкуренты. Сейчас я мог смело исключить жену покойного — если я хоть что-то понимаю в людях, она не убила бы даже злейшего врага, не говоря о собственном муже. В палатах экзарха проповедника не любили и не любили сильно, и смерть его в общем была им на руку. Но все же и скандал явно их не радовал. На физическое устранение популярного священника они бы не пошли хотя бы потому, что побоялись бы спровоцировать те волнения, которые едва не начались днем.

Но почему, задумался я, для изъятия документов покойного экзарх выслал такую странную команду? Этих людей я видел впервые, но было совершенно понятно, что это тренированные бойцы. Возможно что-то вроде группы захвата. В палате пагубных учений в общем таких хватает, но все же посылать их не в квартиру ересиарха, а в лаврикианскую церковь для конфискации небольшого сундучка с документацией было явно чересчур.

В сложившейся ситуации даже четыре хороших

фехтовальщика не могли бы решить проблемы: чтобы прорваться через пятитысячную толпу нужно фехтовать как Венно-Ми-Нару. Тем не менее экзарх чего-то опасался. Никто не стреляет из баллисты по комарам.

Мысль эта меня встревожила. Судя по всему я прошел на расстоянии вытянутой руки от какой-то проблемы и не заметил ее. Это многое объясняло — и настороженные взгляды церковных следователей, и их растерянность. Они собирались решать одну проблему и серьезно к ней подготовились, а столкнулись с совсем другой.

Что могло послужить достаточным поводом для вызова серьезных специалистов из ППУ? Вероятность вооруженного сопротивления, но не толпы, а нескольких хорошо подготовленных бойцов? Но, насколько я понимаю, вероятность этого была невелика. Маг ночного круга на стороне противника? В данной ситуации исключено совершенно: фели защищающий лаврикианского проповедника это нонсенс. Серьезная ересь? Это ближе, но, как объяснил мне помощник экзарха, границ ереси брат Кару все же не перешел. Конечно, мой собеседник мог и соврать, но я не видел причин, зачем бы ему это делать.

Последним вариантом, который пришел мне в голову, был гипноз. Брат Кару не был лицензированным гипнотом, но он не работал с еретиками и не лечил людей. Лицензия ему была ни к чему. Я вновь взялся за досье и вскоре нашел то, что мне было нужно — диплом об окончании отцом Тино теологического училища в Соб-ха-ни. Необязательный курс «Гипноз и гипноисповедь» он сдал почти на высший бал — хорошо-средне.

В дальнейшем, однако, официально он гипнозом не пользовался. Гипноисповеди — возможно, но насколько я знаю, в современной лаврикианской церкви к ним относятся скептически. В принципе этого было недостаточно для каких-то выводов. Если бы мы считали потенциальным преступником каждого гипнота, треть дома Худдов оказалась под подозрением. Но в сочетании со словами «границы ереси» и четырьмя боевиками из ППУ проигнорировать способности Кару было бы глупо.

Тем, кто не сталкивался с гипнозом в своей работе, могут быть непонятны связанные с ним риски. Вероятно, каждый в жизни подвергался гипнозу во время хирургических операций или хотя бы присутствовал при этом. О допросах под гипнозом многие тоже слышали хотя бы из романов. Строго

говоря, такие допросы незаконны, но управление иногда вынуждено пользоваться ими на благо империи, а сотрудники синдикатов просто не стеснены запретами.

Вызываемое в таких ситуациях трансовое состояние называется пассивным. Человек в этот момент не может не только чувствовать боль, но и предпринимать какие-либо активные действия, включая и мышление. Он сохраняет свои физические способности (включая и память, что особенно ценно в моей работе), но применять их может только по приказу гипнота, да и то только те, которые не требуют работы мысли.

Такое состояние снимается либо самим гипнотом, либо другим человеком (например, мной), воспрепятствовавшим ему. Если, скажем, сильно ударить гипнота по голове, транс с его жертвы (или пациента, если речь идет о враче) спадет.

Исполнение приказов в пассивном трансе возможно и на отдалении от гипнота, но смерть последнего безусловно освобождает всех его «подопечных».

Очевидно, что следователи из Палаты могли не опасаться такого гипноза — младший священник храма на Морской гипнотом, насколько мне было

известно, не был. Радоваться тут, однако, было нечему, так как они могли опасаться активного транса, вещи куда менее приятной.

Некоторые, особенно опытные и талантливые гипноты умеют во время пассивного транса заложить в голову своей жертвы некую несложную идею. Иногда это применяется для лечения буйных сумасшедших или стирания тех или иных воспоминаний, но в общем такие действия запрещены очень строго — даже для сотрудников Тайного управления. Заложённая идея в принципе может быть любой, но чем меньше она отличается от тех, которые исповедует носитель в обычной жизни, тем больше вероятность ее приживания и тем меньше шанс, что носитель сойдет с ума от внутренних противоречий.

Такие «подсаженные» идеи могут сохраняться в человеке бесконечно долго. Снять их может только тот гипнот, который внедрил. К сожалению его смерть в этой ситуации не только не поможет, но, напротив, погубит все дело: вложенные мысли продолжат действовать, а вот снять их будет уже невозможно. Именно и только поэтому Третий отдел как правило старается брать ересиархов живыми, а ТУ просто не берется за дела, где подозревается

применение подобных техник. У нас нет для этого необходимого опыта, а у Палаты пагубных учений он есть, так что мы просто перекалываем проблемы на их голову.

Мне сложно было поверить в то, что брат Кару мог пользоваться подобными методами. Из всего, что я узнал о нем до сих пор, выходило, что человек он хоть и неоднозначный, но достойный. Однако встреченная мной в храме арест команда весьма вероятно оказалась там именно потому, что ее члены сумели бы взять не до конца контролирующихся себя сектантов — а в таком случае речь шла именно о секте — живыми.

Мысль эта настолько меня заинтересовала, что рассмотрении версии убийцы-фанатика я решил отложить на потом, тем более что перспективной она мне не казалась. Следующий час я посвятил чтению материалов об активном трансе и выяснил два неутешительных для меня факта. Во-первых, снятие последствий подобных гипнотических техник все еще оставалось мечтой и к реализации нимало не приблизилось. Во-вторых, крупнейшим специалистом по этому вопросу оказался лично Белый архивариус, к которому, по понятным причинам, я обратиться за консультацией не мог.

Был уже поздний вечер. Встал я рано, к тому же днем был сильно бит, а потому решил что сон этой ночью будет не лишним. В любом случае расследование временно прекращалось по крайней мере до того момента, когда я получу информацию от своего агента и ордера от начальства. Все это должно было произойти утром, так что я с чистой совестью запер кабинет и уехал домой.

25.

- Доброе утро, начальник.
- Боже. Который час?
- Шесть часов.
- И это ты считаешь утром? За окном еще темно.
- А говорят, что Тайное управление не дремлет.
- Мне иногда тоже так кажется, но радости в этом мало. Чаю? Он правда холодный, как ты возможно догадался.
- Спасибо, нет. Я ненадолго.
- Как хочешь. Ты все узнал?
- Само собой.
- И само собой, деньги вперед? Хорошо, возьми. Можешь пересчитать. Так что ты узнал.
- Во-первых, я знаю, с кем хотел заключить

сделку ваш Кару. Это Гу Амаби из Бамбуковой джонки. Но сделка еще не состоялась, переговоры должны были пройти вчера утром, но Кару убили.

– Прекрасно. До этого они не встречались?

– Нет, предварительные переговоры шли через посредников. Последний раз Амаби посылал посредника пять дней назад.

– Ты в этом уверен?

– Конечно, нет. Но так думает кое-то в окружении Амаби. Информацию точнее можно получить только от него самого или посредника, но это не ко мне.

– Ладно, и это немало. Что насчет Тино-ка-Иру?

– Я не знаю, где он.

– То есть?

– То есть он не на фронте. Он прибыл в столицу три дня назад и остановился в гостинице «Буйвол и монах». Вчера утром он из нее съехал, и больше я ничего о нем найти не смог.

– Почему он приехал?

– Понятия не имею. Как бы я вам это узнал за ночь? Слетать на фронт и поинтересоваться я все-таки не могу.

– Ладно, и этого достаточно. Хорошая работа.

– А то.

26.

– Десятник Миту-ка-Оро по вашему приказанию прибыл.

– Садитесь, десятник, и доложите о результатах расследования.

– Пока идет неплохо. Есть зацепки. Но без ордеров, шеф, дальше я не продвинусь.

– Мне сказали, что священника ты упустил.

– Так точно, виноват.

– Не просто виноват. Это провал операции, ты это понимаешь?

– Шеф? Почему провал? Да, досадная неудача, но расследование продолжится и без него, а его найдем. Пропал он только вчера и, я думаю, пока жив. Вообще я не уверен, что это похищение — возможно, просто работа ППУ или экзарха, или ППУ по приказу экзарха.

– Ты все сказал?

– Так точно, господин сотник.

– А теперь послушай меня, Миту. Мне велели от дальнейшего расследования тебя отстранить. Не делай удивленные глаза. Основания для отстранения у меня есть: священника ты упустил, едва не спровоцировал бунт в церкви...

– Но шеф!

– Помолчи. Я тебе верю, и не надо убеждать меня, что ты погасил бунт, а не спровоцировал. Но формальной причиной отстранения это вполне может быть. Ты это понимаешь?

– Так точно.

– Ты обижульки мне не строй. Я тебя, понимаешь, прикрываю, а ты мне корчишь козью морду. От расследования я тебя не отстраню, не дождутся.

– Так какого же?

– Вот какого. О госпоже Юки забудь. Ты меня понял?

– То есть как, шеф? Она явно что-то знает.

– Вот и пусть знает. Если ты накопишь безусловные доказательства того, что это она сама или по ее приказу убили отца Тино — тогда приходи ко мне. А к ее дому чтоб на ли не приближался. Тебе ясно?

– Никак нет, господин сотник.

– Так я могу пояснить. За нее вступились с такого верха, что выше только августейшая фамилия. И если ты к ней полезешь еще, я тебя не то что с дела сниму, а отставлю без выходного пособия. И без обид, потому что иначе без выходного пособия отставят меня. Священника — ищи. Что там у тебя еще? Обыск в доме Тино? Валяй, вот твои ордера. А

про Юки забудь. Вам все ясно, десятник?

- Так точно.
- Приступайте!

27.

В промежутке между двумя этими разговорами я успел более-менее выспаться, позавтракать и добраться до работы. Приехал я в Управление с чувством, что дело идет на лад, но разговор с начальством быстро поставил меня на место.

За годы службы я лишь пару раз сталкивался со случаями, когда расследование прекращалось по решению сверху. Как правило такие запреты означали, что это просто не моего ума дело, и им займется армейская разведка или придворная служба тонких расследований. В данной ситуации объяснений для запрета я не видел. С наибольшей вероятностью это означало, что госпожа Юки во вчерашней нашей беседе была права, и я действительно сунул свой нос в дела, о которых мне лучше ничего не знать.

Как бы то ни было, шеф не отстранил меня от расследования, а значит еще не все было потеряно. У меня была возможность отработать все прочие версии, а уж потом, при необходимости, взяться за

«Друзей брата Кару». В конечном счете, решил я, ее финансовые махинации и правда меня не касаются, это по линии другого отдела. И хотя мне это и не нравилось, в расследовании пока можно было обойтись и без серьезного допроса Юки.

Думать надо было о деле — то есть не о причинах, по которым об меня вытерли ноги, а о сыне покойного, его дворецком и его способностях к гипнозу. Велев арест-команде готовиться к выезду и понадеявшись, что уж с дворецким мы как-нибудь справимся, я взялся за досье Тино-ка-Иру.

Ему было 117 лет. В восемьдесят он закончил Академию при Генеральном штабе. Высокие оценки по тактике, военному праву, военной истории. С таким баллами самое место в армейской страже или суде, но он стал кавалерийским десятником. В 94 года — полусотником. В 103 мог стать сотником, но предпочел в прежнем звании перевестись в элитный 18 полк на Сине. Холост. Второе место по фехтованию в своем полку: неслабо, если учесть, из кого комплектуется тяжелая конница. Пара статей по истории последнего завоевания острова — подшиты к досье, но оценить их я не в состоянии. Отец — известный проповедник, бла-бла-бла, отношения с отцом посредственные. Неудивительно: у худдов в

его возрасте отношения с отцом могут быть или идеальные, или отвратительные. Но от идеальных отношений на драпают в армию.

Мне в голову пришел чертовски неприятный вопрос о том, не расследую ли я отцеубийство. Поверить в это было сложно, но все же такие случаи встречаются. В моей практике, впрочем, их никогда не было. Если в семье Тино и были серьезные проблемы, то досье их никак не отражало. На то, впрочем, у меня будет дворецкий. Уж он то должен знать об отношениях отца и сына все.

Досье на него вообще было очень плохим, чему я сначала даже удивился — но быстро сообразил, что служа на Сине парень наверняка попал в поле зрения армейской разведки и скорее всего был с ними связан. Из этого следовало заключить, что и имевшаяся у меня информация кроме самых общих сведений могла оказать фантазией армейских штабистов. В пользу этого свидетельствовали и лакуны и, главное, отсутствие каких бы то ни было наград и внутрианговых повышений, включая и повышений за выслугу лет, в тяжелой коннице почти обязательных.

Ситуация, таким образом, могла оказаться хуже, чем я полагал. Вместо раззявы-кавалериста мне

могло понадобиться ловить в миллионном городе опытного офицера разведчастей, ходившего на территорию Уолша и Наргейла. Или, хуже того, профессионального контрразведчика, привыкшего к городским операциям в Син-ба-дзене. При одной мысли об этом уши у меня зашевелились, а хвост нервно задрожал.

28.

Спустя полтора часа дворецкий сидел у меня в кабинете и был, как говорил некогда мой первый напарник, полностью готов к употреблению. Сам захват наша команда провела за десять минут, заодно скрутив и пару дежуривших в прихожей почитателей покойного брата Кару. Моих вчерашних знакомцев среди них не было, но значения это уже не имело. Я хорошо понимал, что когда гегра заговорит, мы все равно их возьмем. Более того, мне самому дела до них, в общем, не было. Перелом ребра далеко не самое страшное, что со мной делали в жизни, и зла на них я не держал. Но нападение на сотрудника ТУ — такая штука, которую нельзя оставлять безнаказанной, так что после окончания дела отловить их все равно пришлось бы.

Пока же меня куда больше интересовал гегра.

Вчера, в некотором помрачении чувств, я был склонен считать его одним из центров заговора. Но подумав с утра как следует, я решил, что возможно дело в в приказе Тино-младшего. Тем не менее во внешности дворецкого было что-то от суровых первопоселенцев Восточного Морора. Бывают такие слуги, которые пугают больше, чем хозяева.

Пока мои помощники ловили разбегающихся по цветам «Друзей» (если, конечно, они были членами организации, а не случайными верующими), я предъявил госпоже Тино ордер и в ее присутствии вскрыл ящики стола. К счастью, она восприняла это спокойно. Мне случилось видеть вдов, которые с таким трепетом относились к вещам почивших мужей, что препятствовали следствию. Жена брата Кару была спокойней и просто молча стояла недалеко от меня все время, что я искал в столе хоть что-то, что могло оказаться полезным.

Как я и ожидал, деловые записи покойник хранил больше в храме, чем дома. Поэтому тут я нашел лишь огромное количество переписки, которое мне еще предстояло освоить. В основном это были, похоже вопросы верующих духовному отцу о том, как им надлежит поступать в той или иной ситуации. По этим вопросам можно было немало сказать как об

авторах писем, так и об их адресате, но к разгадке они меня ничуть не приближали. Тем не менее именно их я просматривал, пока прикованный к креслу дворецкий дозревал до должного состояния.

В общем было ясно, что проверять из обширного списка корреспондентов брата Кару нужно было далеко не всех. Среди прочих я без большого труда отобрал около десяти имен наиболее любимых или наиболее надоедливых учеников, которые писали проповеднику раз в две недели и чаще. Необходимость так часто отвечать на письма по мне — вполне повод для ссоры. Если же говорить серьезно, но именно среди них стоило в первую очередь искать тех возможных фанатиков, которые могли желать наставнику смерти из своих, иррациональных причин. Проверять их всех я, впрочем, собирался только в том случае, если прочие версии себя не оправдают.

29.

— Итак, подданный Гу-Нинь. Сознаете ли вы меру своей вины?

— Ваше благородие! Господин десятник! Я не со зла, виноват! Только не казните. У меня матушка старая...

– Молчать. Я так понимаю, что предложенные вам для осмотра инструменты вы оценили?

– Да, господин десятник!

– Очень хорошо. И вы готовы помочь следствию? Учтите, что только это может облегчить вашу судьбу.

– Да, господин десятник! Все что угодно!

– Превосходно. В таком случае отвечайте на мои вопросы. Первое. Вы ли написали письмо с угрозами в мой адрес?

– Да, господин десятник, это я. Взял бумагу и тушь у хозяина.

– Кто приказал вам это сделать?

– Никто, господин десятник. Я сам.

– Не запирайтесь, подданный Нинь! Этим вы только отягощаете свою судьбу.

– Я честно говорю, господин десятник. Сам придумал, сам написал.

– У меня есть основания полагать, что вы лжете.

– Нет, нет! Я говорю правду. Я сам это придумал. Мне никто такого не приказывал, ни госпожа Тино, ни младший господин!

– Так-так. Хорошо, я вам поверю. Зачем же вы это сделали?

– Потому что я подумал, господин десятник, что

никто не должен лезть в это дело. Это внутреннее дело семьи моих хозяев. Младший господин и сам во всем разберется.

– Вы понимаете, что вы воспрепятствовали работе Тайного управления?

– Да, я понимаю.

– И понимаете, что вам за это грозит?

– Да.

– Когда вы в последний раз видели Тино-младшего?

– Вчера утром.

– В котором часу?

– Около 13 утра.

– Где вы встречались?

– Он прислал мне записку и я приехал к нему.

– Куда?

– В гостиницу «Белый холм». Это...

– Я знаю, где это. Какой номер?

– Восемнадцатый.

– Вы договорились еще встречаться?

– Да, сегодня вечером, там же.

– Хорошо. На сегодня вы свободны. И подумайте над своими поступками. А, да! Это вы послали за мной двух убийц?

– Они не должны были убивать, только оглу-

шить.

– Назовите дежурному их имена. И горе вам, если вздумаете врать. Дежурный, послать по адресам этих идиотов арест-команду.

30.

Уже на подъезде к «Белому холму» я подумал, что брать в одиночку лучшего фехтовальщика полка тяжелой кавалерии — задача слишком нетривиальная, чтоб я справился с ней один. Впрочем, решил я, драться в комнате все равно будет непросто, а на случай сопротивления у меня есть мой арбалетик, который в этот раз стоит зарядить заранее.

Гостиница была не из дешевых. Красивый двухэтажный дом. На первом этаже ресторан, на втором комнаты. Ограда из кустарника, дюжий брэ-при-вратник, летняя веранда. Приличное заведение, но именно в таких и надо прятаться. Только тут плата за номер будет достаточно велика, что хозяева помалкивали про своих постояльцев. Худду почти невозможно спрятаться в трущобах, он там слишком заметен. Будь я на месте Тино-ка-Иру, я тоже выбрал бы что-то вроде этого отеля. Вернее, я бы конечно выбрал другой — но я знаю Кос-тха-ни куда лучше, чем он.

Бросив портье-кафа на входе небрежное «в восемнадцатый номер» я быстро, но без суеты пошел прямо к лестнице. Строго говоря, он должен был бы меня задержать, но уверенный вид может обмануть. До тех пор, пока человек ведет себя естественно и при этом приказывает, большинству и в голову не придет подумать, есть ли у него на самом деле такое право.

Нужная мне дверь оказалась в довольно удачном месте — недалеко от черного хода, по которому, прикинул я, в случае чего мы сможем спуститься не привлекая особого внимания. Вероятно это не было случайностью и полусотник Тино таким образом прикидывал себе пути для отхода.

Стараясь не шуметь, я заглянул в замочную скважину и, признаться, увиденное меня утешило. Сам хозяин спал на кресле спиной к двери (мне отчетливо видны были торчащий слева меч, вытянутые ноги в форменных штанах и кавалерийских сапожках), а рядом с ним на столе стояла две бутылки вина, одна из которых была пуста, а другая наполовину почата. Тем не менее я хорошо понимал, что даже пьяным такого фехтовальщика недооценивать не стоит. К тому же благодаря вчерашнему нападению я был далеко не в лучшей

форме. Надеяться оставалось на то, что арестовывать Тино мне все же не придется: скорее всего к смерти отца он совершенно не причастен, а значит можно будет ограничиться подробным разговором и — прежде всего — выяснить, зачем он прибыл в столицу и почему не афиширует своего пребывания здесь. В конечном счете недавно началась война. Не исключено, что его послали в столицу по делам службы.

Я постучал в дверь, но мне никто не ответил. Взяв на всякий случай в правую руку арбалетик, левой я толкнул дверь, и та совершенно бесшумно раскрылась.

К стыду своему я не только вошел, но даже сделал шаг по направлению к креслу прежде, чем понял, на какой детский прием попался: в кресле сидела симпатичная гора подушек и одеял, нижняя часть которой была педантично просунута в штаны и сапоги. Утешаться оставалось лишь тем, что я все-таки заметил это прежде, чем потерял сознание от удара чем-то тяжелым и угловатым по голове.

31.

- Ох ...
- Очнулись?

- Более менее. Где я?
 - Замнем пока этот вопрос, ладно? Голова сильно болит?
 - Да.
 - Я приложил вам примочку из газет. Боюсь, ничего лучшего у меня под рукой нет. На всякий случай я вас и связал, но могу развязать, если обещаете вести себя хорошо.
 - Учитывая, что вы отобрали у меня оружие, а сами с мечом? Обещаю.
 - Сейчас погодите. Вот так.
 - Вы Тано-ка-Иру?
 - Вот это выдержка! Только пришли в себя и сразу допрашивать. Да, я Тано-ка-Иру, полусотник тяжелой кавалерии.
 - А не военной разведки?
 - Не без того. Замнем для ясности.
 - Зачем вы меня оглушили?
 - Давайте так. Я отвечу вам, а вы ответите мне.
- Поочередно.
- Хорошо. Так зачем?
 - Дело в том, что я не совсем был уверен, что вы — это вы. Более того, я думал, что вы — это не вы. Во всяком случае, допускал такую возможность. Кроме того мне нужно было поговорить с вами там,

где нам никто не помешает. А зачем вы решили меня арестовать?

– Я не собирался.

– А арбалет в руках держали чисто по привычке?

– Почему бы нет? В конечном счете кого бы я застрелил? Подушку?

– Тоже верно. Но все же зачем вы пришли ко мне?

– Я расследую смерть вашего отца. Теперь моя очередь. Почему вы приехали в Кос-тха-ни?

– Меня попросил об этом отец.

– Я думал, у вас были плохие отношения.

– Нет, неплохие. Даже хорошие в некотором смысле. Ему не нравилось, что я стал военным. Думал, я буду священником, как он.

– Дайте угадаю. Вы гипнот, вероятно? Наследственный.

– Да, это так.

– Еще одна причина для разведки заинтересоваться вами.

– Как вы ответили журналисту? Без комментариев? Моя очередь. Вы знаете, кто убил моего отца?

– Нет, пока не знаю.

– Досадно. Может, папиросу?

- Не откажусь.
- Вот, пожалуйста. Хотя бы предположения у вас какие-то есть?
 - А у вас, полусотник?
 - А что, моя очередь?
 - Я сбился со счета.
 - Ладно, у меня правда есть предположения. Я простой кавалерист...
 - Не надо.
 - Хорошо. Я непростой кавалерист, и поэтому кое-что сопоставил. Вы слышали о «Друзьях брата Кару»?
 - Больше, чем хотелось бы.
 - Эти ребята все время крутились вокруг отца. Я прикинул, что в год у них должен быть чуть не миллион оборота, и все за счет его деятельности.
 - Именно поэтому у них не должно было быть причин его убивать.
 - Не совсем так. Что, если я скажу вам, что отец попросил меня приехать в столицу именно из-за этого? Он догадался об их махинациях. Я должен был помочь ему вычислить все детали, чтоб он обрушился на них сразу, во всеоружии.
 - И они убили его, чтоб он не узнал лишнего? Мне приходило это в голову.

– Отлично, десятник. Я вижу, мы понимаем друг друга.

– Я не совсем в этом уверен. Во всяком случае моя голова так не думает.

– Извините. Я думал, вас прислала Юки.

– Что вы о ней знаете?

– Сначала скажите, вы ее уже допрашивали?

– Пытался. Вчера вечером. Она выставила меня.

– А потом еще начальство прибавило?

– Примерно так.

– Это не удивительно. У «Друзей» могущественные покровители. Жена главы Ведомства охраны традиций — большая поклонница моего отца. И не она одна. У него были большие связи при дворе и в чиновном аппарате. Угадайте, кто их унаследовал? Подскажу, что не моя матушка, и даже не милый младший священник из отцовской церкви.

– Его пропажа, кстати?

– Моя работа. Я хотел встретиться с ним, но обнаружил вашу засаду. Поскольку мне некогда было откладывать беседу с ним, пришлось поучаствовать.

– Смело.

– Это от безнадежности. Главное, что я выяснил у него то, что хотел.

– И что же?

– Что он непричастен к смерти моего отца и не до конца понимает суть деятельности «Друзей». Юки хоть что-то вам сказала?

– Фактически ничего. Она слишком быстро меня вышвырнула.

– И вышвырнет снова. Вам не дадут расследовать это дело. Понимаете, на что я намекаю?

– Не совсем, господин Тино.

– Я намекаю на то, что мне можно многое такое, что нельзя вам. Я сын покойного. Я не в себе. Кроме того, меня вообще здесь нет.

– То есть?

– Официально сейчас я в рейде по прибрежным островам Севера.

– На вас тоже могут нажать.

– Это вряд ли. Кто? Ни чиновники, ни придворные, кем бы они ни были, Генеральному штабу не указ. Согласиться с их требованиями значит прогнуться под штатских. Этого не будет, поверьте мне.

– Что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам поработать в паре. Вместе мы сможем убедить ее поговорить с нами.

– Допустим. Почему я должен вам верить?

– Потому что я хочу узнать, кто убил моего отца. Если мы припрём Юки к стенке и выяснится, что это

она, никакие покровители ее уже не спасут.

– А если это будет не она?

– Во всяком случае мы узнаем то, что знает она.

Так что, вы согласны? Или будете и дальше копать документы?

– Ох уж эти ваши армейские методы. Я согласен. Договорились.

– Отлично. Кстати, не в службу, а в дружбу. Не распорядитесь ли вы выпустить моего дворецкого?

– Я бы и рад, но он угрожал мне и послал за мной убийц.

– Нет, что вы.

– То есть как?

– Это был я. И письмо продиктовал я, и людей тоже послал я. Мне нужно было задержать вас в случае, если вы пойдете к священнику. Тогда я еще не знал про засаду и думал, что просто успею поговорить с ним до вашего появления. У них был приказ не убивать.

– Но откуда вы вообще знали, что я собираюсь к нему идти?

– Я не знал, но сидел в соседней комнате до тех пор, пока вы не зашли к матушке. Кстати, я видел, как вы влезли в кабинет отца. И без ордера. Ай-ай-ай!

- Но зачем он сознался?
- Я сам ему велел. Во-первых, мне бы не хотелось, чтоб вы его пытали. А во-вторых, если бы он не сознался во всем, откуда бы вы узнали, где меня искать?

32.

Когда мы выбрались из подвала, в который он меня затащил, на свет, я понял сразу три вещи. Во-первых, мы были в двух кварталах от «Белого холма», в здании брошенной мельницы. Во-вторых, Тано-ка-Иру был сильно похож на свою мать, и не был похож на своего отца ничем, кроме формы носа. В третьих, его молодцеватая бодрость была искусственной. Не напускной, а именно искусственной. Я не редко встречаю таких людей в нашем управлении: они верят, что любую проблему можно решить, если как следует поработать. Смерть отца не входит в число таких проблем, но пока полусотнику было чем занять голову и руки, ему казалось, что еще не все потеряно. Но тем не менее по его жестам и лицу было хорошо видно, что не в себе. Подтверждала это и моя больная голова: в адекватном состоянии оглушать он бы меня не стал. Впрочем, я не мог не признать, что удар был

нанесен мастерски и сотрясением мозга мне не грозил.

Тайное управление и военная разведка редко работают вместе. Более того, во многих вопросах мы конкурируем, а потому наша спонтанная команда представляла собой довольно редкое сочетание. Я хорошо понимал, что рискую. Если бы наша с Тино выходка не удалась, меня ждало бы серьезное взыскание (в увольнение я не верил — шеф никогда не пошел бы так далеко по требованию кого бы то ни было, кроме Государя). Но в то же время я сознавал, что победителей у нас в конторе не судят, и если мы сможем выбить из Юки полезную информацию, то мне ничего не грозит, а дело может быть раскрыто. Известные опасения внушал мне лишь сторож-брэ.

Опасения эти, однако, мгновенно рассеялись, когда я увидел искреннюю улыбку этого здоровяка при виде моего спутника. Наблюдая за их радостными дружескими объятиями я сообразил, что нанять такого мастера фехтования у Юки, пожалуй, не хватило бы денег: такие люди не покупаются, или покупаются за поистине колоссальные суммы. Охранник был из друзей брата Кару — не из «Друзей», а именно из настоящих старых приятелей, и охранял тут не столько Юки, сколько кассу про-

поведника. Кто-то же действительно должен был охранять все эти деньги?

Но времени вдаваться в долгие выяснения и соболезнования у нас не было, а потому заверив брэ, что «этот со мной», полусотник уверенно повел меня в особняк. Как я и ожидал, внутри он производил роскошное впечатление. Для Тино оно, видимо, стало неожиданным. У Юки он никогда раньше не был, и не ожидал настолько открытой демонстрации богатства. Ему было сложно понять, как отец мог не замечать всего это столько лет. Мне же не хотелось его разочаровывать и объяснять, что брат Кару скорее всего заметил и понял все гораздо раньше, а сейчас что-то просто переполнило чашу его терпения. Выяснить надо было именно это: что конкретно узнал священник. Я был уверен, что именно в этом крылась причина его смерти.

33.

- Снова вы, десятник? Кто вас пустил?
- Он не один, Юки.
- Иру? Откуда ты здесь?
- Господин Тино, может быть я?
- Хорошо. Сперва вы, десятник. А если у вас не получится, тогда я.

– Что все это значит, господа? Почему вы вламываетесь ко мне?

– Строго говоря, госпожа Юки, я все-таки десятник Тайного управления. А значит вы не можете воспрепятствовать мне.

– Вам недостаточно ясно все объяснили? Или вы хотите потерять место?

– Я? Конечно нет, госпожа Юки. Я чиновник, все что у меня есть — мое место. Так что если вы хотите, я могу уйти. Правда, господин Тино — военный и не подчиняется мне. Кроме того он всерьез думает, что вы приказали убить его отца и, кажется, близко к сердцу воспринял катарирскую идею кровной мести. Поскольку он военный, запретить ему я не могу. Конечно, потом его осудит военный трибунал. Убийство гражданского — серьезное преступление.

– Что это значит?

– Спасибо, что предложили нам сесть, госпожа Юки. А значит это вот что. Нам нужна информация — вся и подробно. В противном случае я уйду, а господин Тино получит эту информацию из вас методами, принятыми — ну скажем, принятыми в тяжелой кавалерии.

– Я позову охрану!

– Если под охраной имеется в виду ваш брз, то

не советую. Если еще кто-то — валяйте. Думаю, господин Тино не откажется помочь мне пресечь сопротивление Тайному управлению.

— Я не понимаю, чего вы хотите.

— Хватит валять дурочку, госпожа Юки.

— Хорошо, я отвечу. Но вы пожалеете о том, что ворвались ко мне!

— Это вряд ли. К делу. Вы знаете, кто убил отца Тино?

— Нет. Но у меня есть подозрения, с чем это связано?

— С вашими делами?

— Вы о «Друзьях»? Нет, конечно нет. Я уже говорила вам, что не стала бы убивать Кару. Не говоря уже о том, что он был мне хорошим другом, я не сумасшедшая.

— У меня есть основания полагать, что брат Кару раскрыл вашу деятельность.

— Раскрыл? Он был слишком умный человек, чтоб не замечать ее. Да, в последнее время он был недоволен. Но без «Друзей» многие его идеи обернулись бы прахом. Он не стал бы сердиться слишком сильно, а я бы продала пару ваз и пожертвовала деньги нищим.

— Ведь отец верил вам, Юки. А вы...

– Господин Тино!

– Простите, десятник.

– Ничего страшного, по сути вы правы. Госпожа Юки. Допустим, я поверю в вашу невиновность. Пока. Но как тогда вы объясните смерть святого отца?

– Это не слишком сложно. Я думаю, что он погиб из-за Руи, одной из своих учениц.

– Я ее не знаю.

– Зато я знаю, полусотник. Она часто писала вашему отцу в последнее время.

– Да, господа. Десятник прав. Она действительно милая девочка со слишком строгим мужем и взбалмошным характером?

– Что вы имеете виду? Вы хотите сказать, что у отца была любовница?

– Не горячись, Иру. Да, я думаю, что у твоего отца была любовница. Что в этом такого, у всех есть любовницы.

– И вы хотите сказать, госпожа Юки, что это из-за нее убили отца Тино?

– Нет, десятник. Я хочу сказать, что это она его убила.

34.

«Госпожа Ки-хэ-Нору, девичье имя Руи, супруга чиновника VI ранга ведомства финансов. К суду не привлекалась». Примерно так выглядит большинство досье в нашем архиве. Что еще можно сказать о человеке, который не совершил в своей жизни ничего? Наши документы — неплохой критерий интересной биографии. Досье на эртовика Нару — два тома толщиной с мой кулак. Полное досье на брата Кару — довольно приличная папка. Досье на меня я не видел, но думаю, там немало любопытных деталей. Еще интересней, если досье просто нет, но кому-то оно все же когда-то понадобилось. В своей жизни я дважды не смог получить досье. Один раз речь шла о совершенно безвестном рыбаке, которого я опрометчиво заподозрил в контрабанде. Другой — таком же невзрачном на вид фели-флей-тисте. Его я заподозрил в сумасшествии. Досье на первого отсутствовало в архиве потому, что этот человек был вообще никому не нужен. Досье на второго — потому, что я влез куда-то, куда мне вообще не следовало влезать.

Но большинство досье именно таковы: имя, положение в обществе и больше ничего. Сложно даже представить, что так можно прожить всю жизнь. Но,

подумал я, господу Ки-хэ-Нору по имени Руи теперь навсегда испортила свое досье.

Я сидел в кабинете и неспешно пролистывал последние ее письма брату Кару. Его сын дремал на моем диване. Он старался не подать виду, но известие о том, что у его отца была любовница, сильно поразило его. Та сила, на которой он держался эти два дня, начала уходить: так бывает, когда ты три дня преследуешь агента синдиката, не спишь, не ешь, лезешь из шкуры, а в результате выясняешь, что это был обычный зеленщик, который и слова-то «синдикат» отродясь не слышал.

Будить полусотника мне не хотелось. Все равно в следующей моей поездке он был совершенно бесполезен.

Тихо выйдя из кабинета, я приказал подать мне паланкин. Чиновник Ки жил во внутреннем городе, куда на повозках не пускают. Думал еще было выпустить гегра-дворецкого, но решил поддержать его до вечера. В конечном счете обманывать сотрудника Тайного управления — тоже преступление.

Дело было к полудню. Первый раз за месяц жарило действительно по-весеннему, и я порадовался, что поеду не верхом. По какому-то наитию уже в паланкине я все-таки зарядил арбалетик. В этом деле

было слишком много неожиданностей, и они порядком мне надоели.

35.

- Кто вы такой?
- Меня зовут Миту-ка-Оро, я десятник Тайного управления. Вот моя пайзца. А вы, вероятно, господин Ки-хэ-Нору?
- Да, это так. Что вам угодно?
- Вы не против, если я зайду, и мы поговорим в доме?
- Проходите. Нам удобней будет в гостиной.
- У вас красивый дом.
- Спасибо. Присаживайтесь. Итак, чем я могу вам помочь?
- Дело в том, что я хотел бы задать пару вопросов вашей супруге.
- Боюсь, это невозможно.
- Вы понимаете, что я офицер ТУ и пришел сюда не просто так? Ваша жена — важный свидетель.
- Не думаю. Сейчас у вас не получится с ней поговорить.
- Я не совсем вас понимаю.
- Прошу прощения, десятник. Я не могу

пропустить вас к своей супруге. Она дурно себя чувствует.

– Господин Ки. Вы неправильно меня поняли. Я не прошу, а требую. Таков мой долг. Не заставляйте меня угрожать вам.

– Что вы хотите у нее узнать? У нее нет секретов от меня, я могу ответить на все вопросы за нее.

– Не думаю, господин Ки. Есть вопросы, которые задают лично.

– И все же. О чем вы хотите с ней поговорить?

– Это становится забавным. Допустим, я хочу поговорить с ней о ее учителе, известном проповеднике брате Кару.

– Я не дам вам это сделать.

– Вы не остановите меня, но пока в этом нет необходимости. У меня есть вопросы к вам, господин Ки. Вы явно что-то знаете об этом деле?

– Будьте вы неладно. Что вы хотите от меня?

– Вашу жену подозревают в убийстве, Ки.

– Я понял.

– Каким образом?

– Я понял это, как только вы вошли. Но вы ошибаетесь. Она никого не убивала.

– Тогда как...

36.

У него был нож, и он сидел совсем рядом со мной. Но я выстрелил раньше.

37.

– Десятник Миту-ка-Оро по вашему приказанию прибыл.

– Садись, герой.

– Спасибо.

– К Юки ты все-таки влез, и не один. Что мне с тобой теперь делать?

– Наградить.

– Обойдешься. Но жаловаться всерьез она не стала, так что забудь. Выговор с занесением за нарушение моего приказа. Благодарность с занесением за раскрытие важного дела, связанного с риском для жизни.

– Спасибо, шеф!

– Ладно, проехали. Излагай подробности.

– Допрос подданной Ки показал, что она действительно невиновна в смерти брата Кару.

– Допрос?

– Первая степень, обошлись без пыток. Самое смешное, что Кару на самом деле не был ее любов-

ником.

– Так почему же этот болван Ки тогда его заколол?

– То, что Кару не был любовником его жены, вовсе не мешало Ки так думать.

– То есть он убил его за то, что он возможно спал с его женой, но может быть и нет?

– Примерно так. Он решил во всем разобраться. От имени жены назначил проповеднику встречу в гостинице — «дело жизни и смерти, мне срочно нужен ваш совет, но муж следит за мной, умоляю приходите». Продиктовал ей текст. Отец Тино, видимо, был привязан к этой девушке — он нарекал ей имя, он сочетал их браком, он ее исповедовал. Не то чтобы дочь, но любимица.

– И что дальше?

– Дальше, видимо, брат Кару приехал в гостиницу. Зачем в светской одежде — вот это не совсем ясно. Думаю, он не хотел, чтоб его узнали, а то их встреча с девушкой привлекла бы много внимания. А она ведь якобы просила его о тайной встрече. В общем, он приехал, потом приехал Ки, который, конечно, уже накрутил себя. Отголосок их ссоры чувствовал эмпат за стенкой. Судя по всему, брат Кару пытался убедить Ки, что тот — идиот и зря

не доверяет своей милой жене. Об этом сам Ки потом говорил ей, расцветив как скрытое признание мерзавца-соблазнителя. Глупейшая история, в сущности.

– Чего только не бывает в жизни. Что этот Тино-младший?

– Возвращается на Син. На южном фронте ему пока делать нечего, а блюсти трехлетний траур — это не про него.

– Он работает на военную разведку?

– По всей видимости — да. Я уже распорядился добавить в его досье.

38.

В гробу он выглядел особенным, значительным. Совсем не таким, как тогда, в комнате, когда я впервые увидел его вблизи. Церемония была сделана неплохо, но речи организатора почти не было слышно. За гробом шло не меньше восьми тысяч человек. На кладбище все они не влезли, но и тут было не меньше тысячи. Полусотник Тино, его мать и дворецкий Нинь стояли рядом с гробом и мне почти не было их видно, зато госпожа Юки стояла недалеко. Ясно было, что именно она распоряжается похоронами. Может быть, это было и

к лучшему — по крайней мере вдове не пришлось об этом думать.

Я расследовал новое дело. Интересный случай кражи из музея. Идей у меня пока не было, но дело только началось, а старший смотритель, цзинши истории, вел себя довольно подозрительно. Одним словом, мне было чем занять голову и я почти не слушал выступления, хотя говорили много и в числе прочих люди довольно известные. И все-таки мне почему-то казалось важным побывать на этих похоронах. Вообще нельзя сказать, что я очень уж сентиментальный человек. И больше всего жаль в этой истории мне было не его, а его жену и — еще больше того — госпожу Ки. Но все же я решил прийти сюда.

Похороны, как и следовало ожидать, не отличались от всех прочих — разве только большим стечением народа. Я еще раз оглядел толпу и — в последний раз в этом деле — подивился обилию в ней художков. Думаю, из идущих за гробом можно было укомплектовать полный полк легкой пехоты для Южного фронта. Все они были в трауре, многие держали в руках благовония и бумажные деньги. Заглядевшись на них я едва не пропустил человека, подошедшего ко мне со спины. Это был невысокий

монах из свиты экзарха, который как раз сейчас рассказывал у гроба, какого важного и незаменимого члена общины потеряла Лаврикианская церковь в лице отца Тино.

Монах сделал мне приглашающий жест. Я последовал за ним сквозь толпу и вскоре мы вышли к паланкину экзарха. Носильщики-катарир расселись вокруг, поставив огромную конструкцию на землю. Думаю, в паланкине легко поместилось бы человек шесть, но сейчас там сидел только один: помощник экзарха, с которым я уже говорил пару дней назад. Властным жестом он указал мне на сидение рядом с собой.

39.

- Рад видеть вас, десятник Миту.
- Взаимно, святой отец.
- Я должен сказать вам, что мой патрон высоко оценил ваши усилия в расследовании смерти отца Тино, а еще больше — в спасении наших следователей из храма. Вы проявились мудрость, присущую Благородному мужу.
- Спасибо. Хотя честно говоря я спасал не только их, но и себя.
- В этом и суть лаврикианства, сын мой. Все мы

спасаем себя. А если получится — то и кого-нибудь другого. Главное не тащить его за собой на аркане.

— Ну, те следователи не возражали спастись, святой отец. Кстати, можно мне задать вопрос?

— Конечно.

— Почему вы послали в храм именно этих людей?

— А как вы сами думаете, десятник?

— Я долго думал об этом. Единственное, что пришло мне в голову — гипноз. Активный транс, навязанные идеи.

— Вы проникательный человек.

— И отец Тино действительно...

— Нет, нет. Он этого не делал. Но он мог. Мы должны были проверить. Отец Тино был необычным человеком.

— Это значит — плохим?

— Это значит — необычным. Церковь одобряет не все в его действиях. Но нельзя не признать, что он много добился.

— И что теперь будет со всем, что он сделал?

— Все лучшее останется. Школы, приюты для сирот — это все мы сохраним. Кое-что, конечно, придется закрыть.

— А его помощник?

– Его опыт организации больших служб будет очень полезен в колониях, скажем, в Восточном Мороре.

– Госпожа Юки и «Друзья брата Кару»?

– Они сами себя распустят через несколько лет.

– Почему?

– Это гораздо лучше, чем оказаться сектой, не так ли?

– Вдова отца Тино?

– С ней все будет в порядке, сын мой. Кто же тронет жену праведника?

– Значит, он будет праведником.

– Думаю, так лучше для всех, десятник.